

ПРЕТОРИАНЕЦ

Кентурия особого назначения

В ВИХРЕ ВРЕМЁН

Валерий БОЛЬШАКОВ

Рим

Валерий Большаков

**Преторианец. Кентурия
особого назначения**

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Большаков В. П.

Преторианец. Кентурия особого назначения / В. П. Большаков —
«Махров», 2017 — (Рим)

ISBN 978-5-699-96392-8

Сергей Лобанов – сын советского офицера, чье детство прошло на погранзаставе в Памирских горах. Там он нашел верных друзей и вместе с ними постигал тайное боевое искусство. И когда его побратимы оказываются в беде, он спешит им на помощь. Спасаясь от преследования, они уходят через межвременной портал в 117-й год, в эпоху римского императора Адриана. Участь попаданцев незавидна – римляне обращают их в рабство и заставляют сражаться на гладиаторской арене, но дружная четверка не согласна прозябать в неволе – они будут бороться за свободу, одерживая победы и неся потери. Против них целый легион... Кто кого?!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96392-8

© Большаков В. П., 2017
© Махров, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	48
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валерий Большаков

Преторианец. Кентурия особого назначения

Глава 1

Бой на высокой тропе

Таджикская ССР, 1988 год

– «Стингер» слева! – закричал командир вертолета. – Твою-то ма-ать!

Семиклассник Сергей Лобанов прилип к иллюминатору. Огненно-дымный шлейф, оранжевый и загогулистый, догонял их «Ми-восьмой», а на земле, в месте пуска, поднимались клубы пыли, сверху походившие на облако. Ведомый вертолет ушел влево, вычерчивая лопастями пунктирный световой круг, и канул за Памирские горы.

– Уходим! Живо!

– Берегись!

Лобанов-старший, полковник и начальник заставы, рявкнул командирским голосом:

– Вверх рви, вверх!

– А я что делаю?! – огрызнулся пилот.

Сбоку просунулся штурман-оператор Федя Манюта, бледный до синевы.

– Это засада! – завопил Манюта, глаза по пять копеек. – Все, вешалка¹ нам!

– Молчать, правак!² – заревел полковник.

Надрывно свистя, «вертушка» пошла набирать высоту. Поздно!

«Стингер» угодил в правый двигатель. Гром взрыва ударил по ушам, а вертолет так подбросило, что Сергей вцепился в свой откидной стульчик, боясь вылететь вон. Чудилось ему – прямо над ним проходит железнодорожный состав, грохоча и скрежеща металлом. «Все, – мелькнула паническая мысль, – отгулял я свои каникулы!» Приложив усилие, он оторвался от иллюминатора и глянул за дверь со стеклянным окошком, задернутым зеленой шторкой. Там гудел и качался грузовой отсек. У правого борта жались на жесткой скамье Искандер со смешной фамилией Тиндарид и Гефестай Ярнаев, одноклассники Сергея и наперсники детских забав. Рядом с ними, хватаясь за пульт, сидел дядька Искандера и Гефестая, борттехник Терентий Воронов. Это был немолодой жилистый мужчина с жестковатым загорелым лицом и шапкой густых седеющих волос, одетый в потертый комбез и коричневую кожанку с косыми молниями на карманах.

– Серый, надень. – Лобанов-старший сунул Лобанову-младшему шлем с ларингами и натужно пошутил: – По ТэБэ полагается!

С трудом разлепив пальцы, Сергей натянул шлем-«горшок» и сжался, оцепенело глядя на горный склон. Склон, качаясь и кренясь, надвигался титанической клюшкой. Щас как вдарит по «шайбе»...

– Пытаюсь сесть! – проскрипело в наушниках.

«Да куда ж тут садиться?!» – ужаснулся Сергей.

¹ Вешалка (воен. жарг.) – конец, гибель.

² Правак – штурман-оператор.

Скат горы от седловины шел полого, а затем резко обрывался, падая почти отвесно до самого дна долины Кала-и-Нур, километра на полтора вниз. Только по самому перегибу кручи белела тропа, расширяясь в одном месте, но и этот пяточок усыпали валуны. По тропе «в ниточку» брели человек двадцать, ведя в поводу навьюченных лошадей.

– Это банда Рахмона Наккаша! – прокричал Воронов. – Руин³ прут, заразы...

– Держись! Вырубаю движки! А то сгорим на хрен!

Гул стих настолько, что стал слышен рев воздуха, рассекаемого лопастями. И непрерывно звенел предупреждающий сигнал – запредельный, запрещенный режим!

Падая, вертолет за что-то задел, и его развернуло задом наперед. Машина врезалась в валуны, нечеловеческая сила подняла Сергея и выбросила через расколотый блистер⁴. От пилотской кабины остался только пол, крышу снесло взрывом. Отвалилась хвостовая балка, грузовой отсек вывернуло, как вскрытую консервную банку. Искандер с Гефестаем удержались, а Терентия Воронова швырнуло на исковерканную грузовую створку, и он, в позе распятого, медленно съехал по ней, замирая и обмякая по-неживому. Лицо его залила кровь, она была густо-красной и блестящей.

– Дядька! – заорал Гефестай.

Перепуганного Искандера, сухого, черного, остроносого, украсил свежий шрам на левой щеке. Судорожно всхлипывая, Тиндарид подхватил запястье Воронова и стал щупать пульс.

– Дядь, ты чего?!

Заплавав, Искандер уронил дядину руку, и та упала безжизненной плетью.

Загрохотало, глуша слабые людские голоса, полыхнули клубы огня. Грузно кувыряясь, усакала в пропасть пылающая турбина. С шипением и треском рвался боекомплект.

Полковник Лобанов, упакованный в новенький серый горник⁵, стоял на четвереньках и ошалело мотал головой. Подняв искореженный пулемет, он с проклятием отбросил горячий ствол.

– Укрыться! – скомандовал Лобанов. – Где Федька?

– Ушел во мраки...⁶

– Ведомого вызывай!

– Слушаюсь, товарищ полковник, – по-уставному ответил пилот и доложил: – Не выйдет, рация вдребезги!

– А, едрить твою... Серый, пригнись и не высовывайся. Гефестай, Искандер! Это и вас тоже касается!

Сергей откатился под хлипкую защиту исковерканного борта и переполз к крутобокому валуну. Мыслей не было. Совершенно. Эмоций тоже. Даже древнейшая реакция на опасность – страх – отсутствовала напрочь. В щель между каменными глыбами Сергей разглядел «вооруженных нарушителей границы». Все они были одеты по моде «той» стороны – в короткие, до щиколоток, матерчатые штаны, в длинные незаправленные рубахи-камис. На ногах – высокие ботинки с застежками, а на головах – нуристанские шапочки поколь, похожие на береты, коричневого или табачного цвета. Банда Рахмона Наккаша... Как попевал «за речкой на юге»⁷ урожай опийного мака, так и начиналось – со всего «Золотого полумесяца» перли в Россию наркоту, транзитом до Европы. В Колумбии были наркобароны, Рахмон Наккаш был наркохан...

³ Героин.

⁴ Остекление кабины пилотов.

⁵ Серый комбинезон с капюшоном для горных условий.

⁶ Уйти во мраки (*жарг.*) – погибнуть.

⁷ То есть в Афганистане.

Пригибаясь, поводя автоматом, по осыпи прокрался совсем молодой еще контрабандист и выпрямился, не углядев в руках «шурави»⁸ оружия. Нарушитель был великолепен – одетый во все новое, в дымчатых очках, с переброшенной через плечо плоской сумкой-планшетом. Удлиненное красивое лицо, плечи развернуты, спина прямая. Он крикнул, подзывая своих, и непринужденно спустился к летунам и их пассажирам.

Командир вертолета майор Швыдкой, жгучий брюнет с хрящеватым, горбатым носом, повредил ногу и стоял, прислонясь к искореженной стойке шасси. Рядом топтался растерянный второй пилот, ушастый и светловолосый старлей Бубликов. Лобанов-отец попытался загородить собой Лобанова-сына, но Сергей воспротивился и утвердился рядом с батей, напрягая ноги, чтобы те не дрожали.

– Ну, командор, – неумеренно восхитился наркашевец в темных очках, – ну, ты и живуч! Полгода тебя выцеливал, сегодня только попал. Ну, думаю, сбил кафира!⁹ Нет, опять он живой!

– Кончай выживаться, Мир-Арзал, – оборвал его полковник Лобанов. – Тебе сколько стукнуло? Небось, четвертак еще не разменял? Прикажи своим людям сложить оружие, тогда я смогу гарантировать вам ваши поганенькие жизни!

Контрабандисты загготали.

– Не наглеи, командор! – выговорил, отсмеявшись, Мир-Арзал и поугрюмел. – Деньги мы тебе давали? Давали! Почему не берешь? Чтоб не мешал, говорили? Говорили! Почему мешаешь? У Рахмон-джон из-за тебя голова болит. Даврон! Шавкат! – рявкнул он, подзывая поделщиков.

Вперед вышел Даврон в серо-коричневой шинели, видимо, снятой с мертвого сарбазы¹⁰, в чем уличали запятнанные дырки в полах. Лицо у Даврона было припухшим, с толстыми усами, которые, как у гайдука, спускались ниже подбородка. В руках он с усилием держал «РПК»¹¹. Рядом, в засмальцованной «пакистанке», встал Шавкат, нескладный, прыщавый парень с фантасматическим носом, со слезящимися глазками под белесыми бровками. Он постоянно фырчал, продувая ноздри, а пальцы его ласково поглаживали курки двух автоматиков «узи».

– Будем лечить головную боль! – глумливо усмехнулся Мир-Арзал. – У Даврона ха-арошие таблетки есть, калибром семь шестьдесят два!

Бандиты хором загготали.

– Не вибрируй, Серый, – тихо проговорил отец. – Щас наши прилетят...

– Я не... – пискнул Сергей. Вознегодовав на себя, прокашлялся.

Полковник переступил с ноги на ногу, и, когда покачнулся, боком скрываясь за Сергеевой спиной, его рука скользнула под клапан комбеза. Тихонько щелкнул предохранитель табельного «макарова».

– Отставить! – крикнул Мир-Арзал, и Даврон разочарованно опустил ствол. – Что прижухли? – Мир-Арзал решил продлить удовольствие и выпендривался: – Ну-ка, спойте чего-нибудь, а то так неинтересно. Гряньте «Интернационал»! Просим, просим!

Бандюганы обрадовались неожиданному развлечению, оживились, стали рассаживаться на валунах, на оторванной лопасти, легкой этакой скамейкой между скальных обломков. Тут сзади, от горящего вертолета, донесся стук и скрежет. Сергей дернулся в обороте и увидел Воронова – живого, только без куртки, со слипшимися от крови волосами.

– Я буду запевалой! – сказал борттехник, растягивая губы в кривой ухмылке. Нижняя губа лопнула и набухла красной каплей.

– Дядька! – завизжал Искандер.

⁸ Шурави – советские.

⁹ Кафир – неверный, немусульманин.

¹⁰ Сарбаз – солдат афганской армии.

¹¹ Ручной пулемет Калашникова.

Гефестай только лыбился счастливо, шмыгал и подтирал пятерней припухший нос, размазывая копоть по щеке.

– Дядя Терентий! – радостно прошептал Сергей, и тут же его продрало испугом.

Воронов пригнулся, расставив ноги пошире и разведя руки в стороны. И он превращался в кого-то иного, чужого и страшного, будто вурдалак в полнолуние. Все суставы бортача¹² дрожали, ступни и колени выкручивались. Кости смещались, а мускулы вздувались, становясь величиной с голову младенца. А потом дядя Терентий исчез. Вот только что тут был, и нету его! Пропал!

Сережа растерянно повернул голову и уловил размытую тень, как порывом ветра сдувшую пару нарушителей с обрыва. Он с большим трудом удерживал Воронова в поле зрения и толком понять не мог, что тот делал такими руками и ногами, – слитное, отточенное движение длилось не дольше, чем вспархивание птицы.

Терентий проявился, замерев на долю секунды, и просто взорвался движениями! Левая рука его работала как щит, то ребром ладони, то всею пятерней отбивая ножи-печакки или приклады автоматов. Гибкая рука так и мелькала, звонко ударяя влево-вправо, вверх-вниз. Контрабандисты толклись, как бараны в отаре, кричали, щерились, утробно хэкали, полосовали лезвиями вокруг себя, тыкали дулами автоматов, но все в воздух, все попусту!

А правая рука Терентия заменяла ему меч или саблю. Вот, увернувшись от удара штык-ножом, он стегнул кончиками пальцев по бочине рослого бандита в куртке-«пакистанке» и распорол ткань! И кожу – до кости! Бандит дернулся, и ребром ладони Воронов, словно топором, рассек мышцы плеча противника. Хлынула кровь, заливая рукав цвета хаки черно-багровыми потеками. Ослабевшие пальцы выронили «АКМ». «Калаш» еще не достиг земли, когда Терентий сделал выпад, складывая пальцы в острие копья, и вонзил руку в грудь контрабандисту, проламывая ребра и обрывая пульс разорванного сердца...

Сергей смотрел на бой, замерев, не дыша и не моргая. Грузный нарушитель границы в сером халате и грязной чалме заслонил Воронова широкой спиной и тут же смялся, скукожился, попав под удар закаленных локтей бортача. Локти бешено заработали, как шатуны безжалостной машины. Они измолотили нарушителя, вымесили его, и тот упал размороженной тушей – легкие проткнуты сломанными ребрами, печень расплющена, перебитый позвоночник похож на коленвал.

– Бей, бей! – кричал Мир-Арзал с безопасной дистанции. – Мочи его!

На Воронова набросились сразу трое, потом кинулись еще двое, и бортач закрутился колесом, выпрастывая то ногу, то руку. Посыпались хрясткие удары. Хватило секунды, чтобы покалечить всех, попавших под «колесо». Парочка нарушителей в бушлатах забралась на здоровенный валун позади Терентия, забралась явно с дурными намерениями – каждый из них сжимал по пистолет-пулемету «ингрэм», излюбленной «железке» террористов. Остановив убийственное фуэте, Воронов с места, не приседая даже, взвился выше своего роста, как лосось в период нереста, и нанес парочке двойной удар, растягивая ноги в поперечном шпагате. Совсем как тот танцор, что отплясывает гопак на сцене Колонного зала. Вот только Воронову никто не аплодировал, а парочка разлетелась в разные стороны, теряя «ингрэмы» и жизни.

– Даврон! – голосил Мир-Арзал, перепрыгивая валун. – Огонь! Огонь!

Куда там... Воронов на какое-то мгновение присел на четвереньки и тут же разжался спущенной пружиной, прыгая, как гигантский кот. В прыжке он обрушился на бритоголового контрабандиста, двинул ему по шее, почти снося голову с плеч, а ударом ноги отправил в полет Даврона. «РПК» достался Швыдкому. Летун, с натугой скалясь, выставил пулемет и пошел садить по нарушителям. Дуло «РПК» цвело розочками огня.

– По врагам рабочего класса!.. – хрипел Швыдкой.

¹² Бортач – бортехник.

Полковник Лобанов, опустившись на одно колено, палил из «ПМ»¹³. Даже Бубликов подобрал оброненный «калашников» и пускал короткие очереди по врагу.

«А я как же?!» – возмутился Сергей. Он оглянулся. В сторонке от него лежало переднее колесо вертолета, блок с НУРСами, блестящая лужа расплавленного дюрала. Искандер с Гефестом тоже высматривали орудия убийства. Сергей посмотрел за спины стрелявших. Там Воронов побивал врага – пяткой проламывал черепа, ребром ладони перешибал шеи... Контрабандисты разлетались, как кегли.

– Сзади! – завопил вдруг Искандер. – Дядя Корней! Сзади! Там еще!

Лобанов-отец и Лобанов-сын обернулись одновременно. По тропе бежали человек десять в «пакистанках», в чалмах и поклоях. Они потрясали АКМами и американскими винтовками «М-16», щерили рты и славили Аллаха.

– Паха! – проревел полковник Лобанов, обращаясь к Швыдкому. – Туда!

Командир сбитого вертолета развернулся, проследил, куда указывал старший по званию, и затрясся, удерживая колотящийся «РПК». Пули швыряли нарушителей наземь, ломали в пояс, пускали кровь струей и вышибали мозги. Крики и стоны заглушили священную формулу «Аллах акбар!», но щелчок бойка прозвучал куда громче. Патроны кончились, огонь утх.

Тогда в военную игру вступил Гефестай. Он на четвереньках подбежал к разбитой кабине вертолета и снял с убитого бандита чалму. Развернул ее, взял в руку, как пращу, вложил увесистый шарик от рассыпавшегося подшипника, покрутил и метнул. Шарик величиной со сливку вцепился в лоб бородачу с автоматом наперевес, и небритая личность вытянулась на тропе.

– Аллах акбар! – разнеслось многократно и покрылось отчетливым треском пулеметных очередей, беспорядочным стрекотом автоматов, протяжными, надсадными криками.

Мир-Арзал юркнул в щель, как в норку. Перепуганно визжа, проскакала раненая лошадь.

Искандер Тиндарид, скалясь, как череп на плакатике «Не влезай, убьет!», подобрал здоровенный нож-боуи и бросился в атаку, орудуя клинком, как мечом. Он увернулся от удара прикладом и полоснул бандита по ноге. Тот взвыл, замахиваясь. Тиндарид проткнул ему руку и отпрыгнул, тут же развернулся и ударил ножом следующего бандита – под мышку. Нарушитель грохнулся навзничь, выпуская автомат из скрюченных пальцев. «АКМ» с двойным рожком, обмотанным синей изолентой, доскакал по щебенке до Сергея, и тот сразу схватил оружие. Наконец-то!

Вскочив, Сергей пробежал пару метров до застреленной лошади, шлепнулся на пузо и выглянул поверх выюка. Пули долбили неустанно, уходили рикошетом, искрясь и обкалывая камень. Одна полоснула по переметной суме – посыпались палочки анаши, полезли брикеты опия-сырца – резко пахнувшей неаппетитной массы, упакованной в пленку, покатались белые мешочки с печатями – арабской вязью, львами, пальмами, соколами и тремя семерками – так «за речкой на юге» паковали героин. А потом перед самым лицом Сергея возникли грязные ботинки – здоровенный амбал в засаленном халате вспрыгнул на валун, опуская ствол черного «люгера». Сергей закричал и нажал на спуск. «Калашников» коротко затыкал, Сергею в лицо брызнула теплая кровь. Первая кровь... Спазм скрутил сына полковника, но он таки поборол тошноту.

И тут сверху, из-за перевала, донесся глухой стрекот – на выручку шел ведомый. Когда Сергей разглядел за скалистым уступом круговой промельк лопастей, у него даже слезы на глазах выступили.

– Наши! – заорал он. – Батя, наши!

Вертолет заметили все – головы в круглых шлемах, в поклоях и чалмах одинаково задрались в небо.

¹³ Пистолет Макарова.

«Ми-8» был серьезно поврежден, левая турбина испускала сизый дымок, но пилоты кое-как удерживали машину на одном движении. «Вертушка» угрожающе наклонила нос, и с боевой подвески сорвались НУРСы, дымными указками тыча в скопление коней и людей. Вспушли шары огня, забухали взрывы, сразу же прорезались крики и ржание.

Командир ведомого повел машину прямо на склон, резко гася скорость. Винтокрылый аппарат упал на кручу и покатился вниз, грузно шатаясь на стойках шасси, все ближе к пылящей земле опуская лопасти.

– Швыдкой! – заорал полковник Лобанов, скидывая с себя труп в полосатом халате. – Под колесо!

Сергей понял отца быстрее майора. Заозиравшись, он подхватил оторванное колесо и кинулся по склону вверх. Колесо оттягивало руки, сердце билось о ребра, как хищник о прутья клетки, а сверху напознала огромная туша вертолета, гремя и грохоча, сдувая камни тугими воздушными струями. Передняя стойка шасси плугом вспахивала щебнистую осыпь.

На карачках, задыхаясь, Сергей подсунил колесо под стойку. Вертолет тут же накренился, его развернуло. Сергей вжался в землю, с ужасом чувствуя, как хлещут лопасти, почти касаясь каменного крошева. Сплывая пыль, он повернул голову и увидел отца, разевавшего рот в неслышном крике. Воронов шкандыбал рядом, опираясь на «АКМ», как на костыль. Их обогнали Искандер с Гэфестаем, под руки волоча раненого Бубликова, – тот еле ноги переставлял, будто пьяный был, а голова в ЗШ¹⁴ то падала на грудь, то закидывалась в небо.

Нарушителей видно не было, их словно сдуло винтами, потом Сергей приметил подозрительное шевеление на возвышенности – кто-то в чалме разлаписто лез на скалу, волоча за собой «трубу» – «РПГ»...

Крепкая пятерня отца впечаталась Сергею в спину.

– Молодец, Серый! – гаркнул Лобанов-старший. – На борт!

На коленках Лобанов-младший добрался до бокового люка и юркнул в салон. Половина иллюминаторов щербилась осколками выбитых стекол, а борт был прострочен вдоль и поперек рваными дырками попаданий. Досталось ведомому.

– Держитесь там! – крикнули из пилотской кабины. – Будем сваливаться!

– А взлететь? – проорал Воронов и закашлялся.

– А на чем?! Левый гавкнулся!

Винт закрутился пуще, напрягая последние лошадиные силы, и вертолет, качаясь и грохоча, сполз на обрыв, перевалился за край...

– А-а-а! – заорал Тиндарид.

– И-и-и! – визжал Ярнаев.

Сергей молчал, сжимая зубы и обмирая.

Добрых полкилометра падал в пропасть «Ми-восьмой», пока не перешел в горизонтальный полет. Потянул, сбрасывая САБы, те разлетались слепящими «головастиками», приманивая ракеты. Одна такая канула сверху, с возвышенности, прочертила зыбкий дымный шлейф и тюкнула по САБу, окатив вертолет дробью осколков. Пронесло...

– Боестолкновение с вооруженными нарушителями границы! – надрывался радист-связюга. – На Высокой тропе, ниже седловины! Один двухсотый, два трехсотых. Шлите «мигаря»!

Сергей устало прислонился к теплому борту.

Мерцало рассеченное лопастями солнце, вертолет гудел, дрожал мелкой дрожью в такт грохочущему ритму турбины, укачивал. Понизу вилась долина, ближе к воде устланная курчавой зеленью худосочных рощиц. Стлань эту прерывали пирамидальные тополя, вскидываясь листовыми колоннами. Склоны окрестных гор были пологи и пустынные, щетинились низкорослым типчаком или опадали изветрелыми скалистыми ребрами. На выходе из каньона

¹⁴ Защитный шлем.

открылся кишлак Ак-Мазар, ниже по долине угадывался Юр-Тепе – единственные следы человеческого присутствия в долине Кала-и-Нур. На пологом склоне паслись овцы, по крутизне щипали травку большерогие архары. Овцы пугались рева железного птаха-подранка, архары тоже удирали от вертолета, но с оглядкой – поскачут, поскачут, станут и смотрят: экая тварь! И снова скачут.

Правда, Сережа плохо видел зелень и прыгучих горных козлов – красная кровь так и стояла перед глазами, а мертвые тела все валялись, валялись, валялись... А по отцу незаметно, чтобы он переживал особо. И дядя Терентий спокоен, «как пятьсот тысяч индейцев»...

* * *

На последнем моторесурсе «Ми-восьмой» дотянул до заставы и плюхнулся на грунтовую аэродромную полосу. Оглушенный, Сергей вылез из вертолета. Сощурившись, осмотрелся, будто впервые увидев знакомый пейзаж.

За взлетно-посадочной полосой торчали в ряд пирамидальные тополя. По сторонам неасфальтированного плаца выстроились сборно-щитовые модули. Перед зелеными воротами с выпуклыми красными звездами гнулись полукруглые крыши клуба и столовой. Отблескивал стеклами походный магазинчик военторга с плоским верхом. Отовсюду к вертолету бежали люди в камуфляже, пронеслась пара дюжих санитаров с носилками, а Сергей, понурый и отрешенный, почапал домой. Мимо П-образного модуля политотдела и штаба, где в полузамкнутом дворе стоял чей-то бюст, мимо шеренги длинных, прямоугольных палаток с плоскими крышами, над которыми торчали печные трубы, мимо линейки машин и прицепов-салонов, темно-зеленых, со скользкими лесенками у дверей, прямо к жилому модулю. К дому.

Это был одноэтажный, приземистый барак, «сочиненный» из фанеры. По широкому, с низким потолком, всегда сумрачному коридору Сергей прошествовал в свою квартирку, разгороженную шкафами на две комнатки.

Давешний бой все не отпускал его, цепко держал, нагоняя тошнотные воспоминания. А дома все по-прежнему – тот же погромыхающий холодильник «Юрюзань», те же полки с книгами... Мама в фартуке жарит котлеты.

– Вернулся! – всплеснула мама руками и захохала: – Ты где так измазался?

– Да так... – просипел Сергей уклончиво. Прочистил горло и задал свой любимый вопрос: – Есть есть?

Глава 2

Панкратион

Таджикистан, Ак-Мазар

На другой день, после «разбора полетов» и ночных кошмаров, Сергей встал поздно, мокрый весь и вялый. Откинув фиолетовое солдатское одеяло, он подцепил пальцами тапки и прошаркал по коридору в душ, самое капитальное помещение модуля, отделанное кафелем. Тепленькие ржавые струйки принесли облегчение.

Малость освеженный, Сергей вернулся в комнату и лениво оделся – в школу идти только на следующей неделе, каникулы еще... Внезапно он замер, натянув на голову футболку, но не просунув руки. Коварная память шепнула, и голова загудела колоколом: «Вчера ты убил человека!»

Сергей сморщился. Погано как... И тут же озлился: а что, у меня выбор имелся? Или надо было забиться в угол и поскуливать, пока хорошие дяденьки побьют плохих и Сереженьку вынесут на ручках?

Энергично завершив облачение, Сергей вышел во двор. По плацу маршировали погранцы в камуфляже, где-то далеко рокотал танк, взрывая двигателем и лязгая «гусанками». Завывание мотора послабее слышалось совсем рядом, за углом модуля, становясь различимым и ясным. Приседая на повороте, вырулила «шишига» – «ГАЗ-66». Место водителя занимал Воронов, рядом подпрыгивали племяннички.

– Привет! – закричал Сергей, махая рукой друзьям и, что там ни говори, братьям по оружию.

«Газон» затормозил, и Воронов высунулся в окно.

– Сережка, здорово! – воскликнул он. – А мы как раз за тобой! Прокатимся до Ак-Мазара?

– Давайте! – обрадовался Сергей.

Обежав «шишигу», он забрался в тесную кабину.

– Подвинься! – отжал Сергей Гефестая. – Расселся тут, как фон барон.

– Спать меньше надо, – парировал Искандер.

– А сам-то! – фыркнул Гефестай.

– Вот гад! – вознегодовал Тиндарид. – Я ж тебя защищаю, балда!

– Сам балда! Защитничек нашелся...

– Отставить! – весело скомандовал Воронов и включил первую передачу.

«Шишига», перестукивая хлябающими бортами, покатила. Миновала решетчатые ворота, проехала окопы передового охранения и последний сторожевой пост: БМП, но не вкопанную, а обвязанную по бортам запасными гусеничными траками, – отличная защита от гранатометов.

Навстречу «газону» попался «КамАЗ» с цистерной, и Воронов, шепотом ругаясь, завертел ручку, поднимая стекло – наливник тащил за собой непроглядную тучу пыли.

– Дядь Терентий, а «мигаря» посылали? – деловито спросил Сергей.

– Куда? – рассеянно поинтересовался Воронов.

– Ну, туда, где мы вчера... Чтоб БШУ¹⁵ – и всем капут!

– А-а... Посылали... Капут тропе пришел – вся площадка вниз ухнула...

¹⁵ БШУ – бомбово-штурмовой удар.

Неожиданно Воронов притормозил и сказал серьезно:

– Разговор есть. Как я вчера намял мир-арзам по организмам? А?

– Класс! – воскликнул Сергей. – А что это, вообще, было? Кун-фу?

– Да какое там кун-фу... – пренебрежительно отмахнулся Воронов. Подняв палец, он торжественно провозгласил: – Панкратион! То бишь «всеборье».

– А че это? – округлил глаза Сергей.

– Это такое боевое искусство было у нас... – проговорил Искандер. Воронов вскинул голову, и Тиндарид торопливо поправился: – ...У эллинов, у древних, в общем...

Запутавшись, он смолк и нахохлился. Неодобрительно поглядывая на Искандера, Воронов объяснил:

– Борьба, что нынче называют панкратионом, есть жалкое подобие того противоборства, что существовало в античности. Название одно, а суть разная. Панкратион не эллины изобрели, они просто переняли его у египтян, а те толк знали. Жрецы бога Тота еще в эпоху первых фараонов учили избранных «страшной борьбе» – так еще называли панкратион...

– Да, страшно было, – признался Сергей.

– Не потому, – улыбнулся Воронов. – Понимаешь, для эллинов панкратион был чем-то вроде смеси из борьбы и кулачного боя, они ж спортсмены были, занимались панкратионом, как мы боксом или карате. Но жрецы Тота не для болельщиков старались... Считалось, что боец в стиле панкратиона мог не просто хорошо драться, посылая в нокаут любого, но и противостоять злему богу или демону ночи. А уж тут обычной силы и скорости реакции будет не хватать... Надо тренировать иные способности, уже как бы не совсем и человеческие, – сверхсилу и сверхбыстроту, чтобы наносить удары не столько на физическом, сколько на энергетическом уровне. Мне трудно объяснить... Фантастику читаете? Ну вот... Бить надо и кулаком, и биополем. Ясно? Иначе не одолеть бесов!

– Ясно... – выдохнул Сергей.

– Ясно ему... – проворчал Воронов и построжел: – Все, что я говорю сейчас, – великая тайна, и разглашают ее лишь для посвященных. Улавливаете?

– Вы нас... – спросил Сергей и сглотнул от волнения, – научите?

Вероятно, Терентий не уловил или не понял той надежды, что прозвучала в Серегином голосе. Ее и Гефестай не почуял – Ярнаев с младенчества рос крепышом, румяным и толстым, как пупс. Сергею повезло меньше, он пошел в первый класс худым и болезненным ребенком, кривоногим и большеголовым после перенесенного рахита. А детская стая не любит слабых. Сергея-Головастика лупили в раздевалке, на переменках, после уроков. Правда, он всегда давал сдачи, но толку-то? Каждый раз, засыпая, он представлял себе, как однажды выучится хитрым приемчикам и покажет «этим всем»! Неужели мечта сбылась?

– Сами научитесь, – усмехнулся Воронов, – а устод¹⁶ Юнус даст вам уроки. В Ак-Мазаре тайно действует единственная в мире школа панкратиона, где Юнус тренирует избранных. Вчера я видел всех вас в деле и готов поручиться перед устомом... – Воронов спохватился: – А вы-то как, согласны?

– Да-а! – завопили мальчишки вразнобой.

Воронов рассмеялся и тронул машину с места.

* * *

Устод Юнус жил в просторном доме на окраине кишлака, а сад за домом разросся так, что занимал места больше, чем пришкольный стадион. Высокие тутовые деревья и южные платаны выстроились в каре, освобождая квадратную поляну.

¹⁶ Устод – мастер, учитель.

– Поклонитесь и поздоровайтесь, – наставлял Воронов «избранных».

– Угу... – рассеянно отвечал Искандер. Гефестай кивал только, а разволновавшийся Сергей едва ли слышал слова Терентия.

– И поменьше говорите, устод терпеть не может болтунов.

– Угу...

– Вот вам и «угу»! Заходите. Э, разуйтесь сначала!

Сережка скинул кеды и зашел в прохладную комнату, как тут говорили, «семибалочную», – ровно столько расписных балок удерживало потолок. Три высоких окна бросали голубой, зеленый и желтый свет сквозь разноцветные стекла. Весь пол был устлан громадным пестрым ковром, у стен лежали аккуратно сложенные курпачи – узкие стеганные покрывала, заменяющие таджикам диваны. Мебели почти что не было, только невысокий резной столик – хантахта – стоял посередине, и все.

Было приятно вминать голыми ступнями тугой ворс ковра... еще бы сердце не колотилось как ненормальное, совсем хорошо было бы...

В свете, лившемся из окошка, Сережа рассмотрел седого, но крепкого человека в одних лишь коротких штанах. Человек сидел на ковре, подложив ноги под себя, и то ли медитировал, то ли дремал.

Сергей неуверенно оглянулся на Воронова, и тот знаками показал: кланяйся!

– Здравствуйтесь, устод, – сказал Сережа и поклонился. Племянники почтительно согнулись за его спиной.

– Здравствуйтесь, – тут же откликнулся устод, открывая необычные для здешних мест голубые глаза. Повернувшись к Воронову, он слегка склонил голову: – Приветствую тебя, Хранитель.

– Это те мальчики, устод, – негромко сказал Воронов, – я говорил вам.

Устод Юнус покивал и скомандовал:

– Раздевайтесь!

– Как? – растерялся Сергей. – Совсем?

– Совсем, – спокойно сказал устод.

Сережа сжал губы и разделся, искоса поглядывая на оголявшихся друзей. Гефестай если и смущался, то не своей наготы, а двух складок на животе – был он отроком упитанным и плотным, «краснощеким богатырем с мышцами». Искандер же скинул с себя одежду так спокойно, будто стоял в закрытой душевой, где его никто не видел.

Устод внимательно оглядел всю троицу, а потом положил свою ладонь Сергею на лоб. И словно благодать ниспослал – так вдруг покойно стало, а лоб ощутил приятную прохладу.

– Сколько тебе? – спросил Юнус. – Тринадцать есть?

– Мне четырнадцать уже! – сказал Сережа и испугался: а вдруг мастер не берет в ученики таких «старых»? Он добавил торопливо: – Я только в восьмой перешел...

И стал себя ругать – болтаешь много!

– В секцию ходил? – продолжал расспрашивать устод, глядя на сбитые Серегины костяшки.

– Нет, – помотал головой Сережка. – Только с пацанами... Иногда...

– Всегда побеждал? – с интересом спросил устод.

– Когда как... – признался кандидат в ученики.

Устод перешел к Искандеру.

– Александрос, сын Тиндара? – спросил Юнус.

– Да, – ответил Искандер.

– Эллин?

– Д-да... – с запинкой сказал Тиндарид и покосился на Воронова.

– Фехтуешь?

– Да так... – замялся Искандер. – На «троечку»...

Устод кивнул и занялся Гефестаем. Ярнаев сразу заулыбался, заблестел белыми зубами. Юнус пощупал его бицепс, и Гефестай гордо напряг мускул.

– Что я говорил? – сказал Воронов. – Бойцы!

Устод отнял руку и велел «избранным» одеваться.

– Не слушайте его, – сказал он, – вы не бойцы, вы только зародыши бойцов. А станете ли ими, зависит от вас. – И добавил скромно: – Ну, и от меня тоже... Будете приходить по вторникам, четвергам и субботам. Не опаздывать, не спорить, не лениться, не болтать. Ступайте...

Часы до вторника тянулись неимоверно долго, по капле-секунде перетекая из сегодня во вчера. Но вот наконец за отрогами Шугнанского хребта затеплилось солнце, блеснуло меж пиков. Настало утро. Отец собрался и ушел на службу. Едва дверь за ним закрылась, Сережка встал. Все! Время пошло.

Ровно в семь ноль-ноль он вошел во двор к устоду. Устод сидел на суфе¹⁷ под чинарой, безмятежно глядя на пильчатый хребет вдаль. Потом посмотрел на часы, встал и запер ворота. Посторонним и опоздавшим вход строго воспрещен.

Устод не скомандовал построение. Он разулся и сказал негромко:

– И вы снимайте обувь... Все снимайте!

Сергей даже плечами не пожал – что делать, если «форма» такая? Каратисты в кимоно занимаются, боксеры в трусах, а в панкратионе тренируются голяком... Он разулся, стащил с себя штаны вместе с трусами, снял рубашку и звонко шлепнул по животу. Готов к труду и обороне!

Устод дождался, пока пыхтящий Гефестай стянет, прыгая на одной ноге, потертые штаны, и сказал:

– Для начала побегаем. Во-он до той горки и обратно!

Сережа устрасился – до «той горки» было как до Луны – и стал готовить себя к подвигу. Но особого героизма не потребовалось – устод сторонился каменных россыпей, ведя босых и голых гавриков по траве или набитыми тропками.

Знобкий ветерок приятно оведал разгоряченное тело, Сергей то несясь вверх по рыхлому песку, сбивая дыхание, то сбегал по колючей стерне типчака, объединенного архарами, но больше всего он переживал из-за другого: а вдруг кто увидит? Ладно, там, пограницы встретятся, а если девчонки из школы? С другой стороны, это было даже приятно – вот так мчаться и сверкать голой задницей! Ощущение нагого тела добавляло остроты и прелести миру вокруг, горы и небо воспринимались ярче, насыщенней, выпуклей.

До «той горы» они еле доплелись, взопревшие и выжатые, и устод, ни капельки не уставший, решил «избранных» прополоскать. Под горой, в кругу скал, грелось на солнце мелкое озерцо, переливавшееся через край водопадом.

– Туда! – показал устод.

Отроки послушно встали на плоский, выщербленный камень, прямо под поток, и заухали, изо всех сил крепясь, чтобы не завизжать, – водица-то холодная!

– Показываю упражнение, – спокойно сказал устод.

Отведя кулаки к поясу, он широко раздвинул ноги и присел в боевую позу всадника. Тут же перенес вес тела на правую ногу, подтянул к ней левую и скрутил обе, разворачиваясь и снова переходя в исходное положение. При этом голову он держал постоянно обращенной к северу.

– Повторяйте!

Сергей принялся повторять, дрожа от холода и покрываясь гусиной кожей, сопротивляясь напору воды, гнушей его и пластавшей. Хоть камень под ногами не скользил, и то хлеб...

¹⁷ Суфа – глиняное возвышение.

– Мыслью сожигайте каждую мышцу, – говорил устод назидательно, – проводите внутренним зрением каждое сокращение. Заставьте тело не чувствовать холода и сырости! Пусть ваш дух обретет бесстрашие и уверенность...

Помучав «избранных» вдосталь, устод Юнус потащил их дальше и выше. Закоченевший Сергей разогрелся на бегу, а учитель вывел всю троицу на скалистый уступ и заставил повторить упражнение, «танцуя» на самом краю.

– Запоминайте! – говорил он менторским тоном и показывал на Гефесте, куда бить: – Наше бедро и сонная артерия, и яремная вена, и блуждающий нерв. Если нанести вот сюда легкий удар, то он вызовет резкую боль, сразу упадет давление, замедлится дыхание. После среднего удара ваш противник «поплывет» и упадет в обморок от недостатка кислорода. Сильный удар вызовет мгновенную потерю сознания и смерть. А вот уши. – Устод похлопал ладонями по оттопыренным раковинам Гефесте. Ярнаев расплылся в ухмылке. – Ударив по ним легко, вы добьетесь сотрясения вестибулярного аппарата, и ваш противник потеряет ориентацию. Удар сильнее вызовет болевой шок и беспамятство. При сильном ударе возникнет острая боль, возможна смерть... Отрабатывать удары будем внизу. Бегом марш!

К подножию «избранные» поскакали через рошу горных сосен, пиная пятками стволы, стуча кулаками по сучьям, подныривая под одни ветки, перепрыгивая через другие...

...Они долго-предолго висели, уцепившись пальцами за крошечный уступ на отвесной стене, – сначала на одной руке, затем на другой. Выстаивали мучительные минуты на кончиках пальцев ног, замирая в боевых позах. Закаляли ребра ладоней, локти и даже лбы, околачивая ствол дерева. Бесконечно повторяли экзерсисы, шагая на цыпочках по шатким чурбакам или между разведенных костров, – огонь и грел, и обжигал. А ты не мешкай!

...Когда Сергей приплелся домой с первой тренировки, ноги его гудели, руки отваливались, а все тело болело, будто его избивали палками – долго и со старанием. Но желание заниматься не пропало, напротив – окрепло. Смазав сбитые ноги маминым кремом, Сергей торжественно поклялся себе овладеть искусством побеждать. Обязательно! А придет черед дать бой злему божеству или демону, и он этой нечисти покажет...

* * *

Так Сергей Лобанов выбрал свою дорогу. Первого сентября он пошел в школу-десятилетку в Юр-Тепе, куда Лобанова, Тиндарида и Ярнаева подвозил «пазик» с заставы. Окончил восьмой класс с одной тройкой. Перешел в девятый. Класса с десятого приставать к нему перестали – помогли штудии устода Юнуса.

В школе Лобанов не вел себя как образцово-показательный ребенок, и пятерок за примерное поведение ему не выставляли. Бывало, получал «пару» или пропускал уроки, удирал с классного часа, целовался с Лейлой из параллельного, скучал на комсомольских собраниях. Но по-настоящему Сергей занимался по вторникам, четвергам и субботам. С уроков панкратиона он и его друзья не сбегали никогда. Здесь самой высшей оценкой была похвала учителя, а укоризненный взгляд устода Юнуса был хуже любых записей в дневнике.

...Летом 91-го устод собрал «избранных» в обширном подвале своего дома, где они занимались в зимние холода. На самом-то деле не подвал это был, а зала древней крепости, некогда кем выстроенной – то ли кушанами, то ли бактрийцами. Просто за тысячелетия наносы так укутали руины, что те ушли на глубину погреба.

На толстых шестигранных колоннах, поддерживавших свод, щерили клыкастые пасти позеленевшие бронзовые химеры – державки для факелов. Красноватый свет метался от легкого сквозняка, и по мощной кладке стен, по гладким плитам пола ерзали зловещие тени. Трое выпускников, вроде бы отученные бояться, заробели. Тут школу они окончили, теперь им надо было пройти Посвящение в ЭТОЙ.

Сергей, как и его товарищи, кутался в белую тогу и дрожал. То ли холод камня пробирал его сквозь тонкие подошвы сандалий, то ли суеверные страшилки. Кто жил за этими стенами века и века назад? Кто оборонял крепость и пировал в этом зале? Не шатаются ли их призраки по сводчатым коридорам? Не они ли шаркают по стертým ступеням винтовых лестниц? Однако атеизм и материализм возобладали в Сергее и заставили его признать иную версию – сквозило по залу и поддувало. А тога была Сергею, длинному как жердь, коротковата.

– Холодно! – пожаловался Тиндарид.

– Слушай, – свистящим шепотом заговорил Ярнаев, – почему в этом?

– Обычай такой, – вздохнул Сергей.

За годы ученичества он сдружился с Ярнаевым и Тиндаридом по-настоящему, по-мужски – сработали некие надчеловеческие законы приятельства, подобные тем, что соединяют разные атомы в молекулу. Кровью и потом сцементировалась их дружба.

– Тебя знаешь как по-римски зовут? – сказал Ярнаев, лыбясь. – Сергей Корнелий Вар!

– Корнелий – потому что Корнеевич? – уточнил Сергей, чуя подвох.

– Ага!

– А почему Вар?

– «Вар» по-латински будет «кривоногий», – с ухмылочкой растолковал Искандер.

– Щас получите! – пообещал Сергей и задрал тогу, уныло пляясь на неровные конечности, умеренно волосатые и мускулистые. Пятки вместе, колени врозь...

– Ни фиги, – утешился он, – мне по подиуму не шастать!

– А как по-латински «повышенная лохматость»? – спросил в пространство Гефестай.

– Щас точно кто-то получит, – пригрозил Лобанов и резко оправил тогу – под стрельчатой аркой нарисовалась фигура устода Юнуса. Устод тоже был в тоге, только пурпурной, и вышагивал с достоинством императора Рима.

Ученики одинаково поклонились, устод ответил им сдержанным кивком.

– Сегодня я здороваюсь с вами в последний раз, – негромко сказал он. – Я дал вам все, что знаю сам, и теперь только от вас зависит, какие всходы дадут семена, мною посеянные. Вы обучены «прыжку барса» и «прыжку лосося», «геройскому удару» и «встречному удару». Я горжусь, что сумел преподать вам даже «геройский изгиб острия копья»... Вы хорошо владеете «приемом боевого грома» и «приемом движения навзничь», «приемом косящей колесницы», «приемом колеса», «приемом сильного дыхания»... Конечно, трех лет очень мало, но все же вы многому научились, теперь вы те, кого здешний народ называет «нимтаёр», полузрелыми. Дозревайте! Матерейте! Пускайте в рост ваш дух и ваше тело, и я рад буду узнать, что вы подыметесь до уровня «таёр». Больше мне нечего дать вам. Мой сосуд пуст, ваши наполнились. – Устод Юнус помолчал и торжественно закончил: – Сим посвящаю вас и благословляю на борьбу против зла и несправедливости!

Трое переглянулись с облегчением и радостью – отныне они посвященные!

Устод подходил к каждому «выпускнику» и говорил ему что-то свое. Приблизившись к Сергею, мастер Юнус сказал:

– У тебя, Лобанов, сильный, жестокий и безжалостный характер. Ты станешь либо великим человеком, либо великим негодяем. Тебе сильно мешают горячность и вспыльчивость, но пока что честь и справедливость проводят тебя по лезвию бритвы... Постарайся и впредь сохранять баланс между добром и злом!

– Приложу максимум усилий! – пылко пообещал Сергей.

– Приложи... – мягко улыбнулся устод и громко обратился ко всем: – А теперь берите факелы и пойдемте. Распечатаем кувшинчик мусалассы...¹⁸

¹⁸ Молодое виноградное вино.

* * *

На заставу Сергей вернулся отрешенным и печальным. Закончилась целая глава его жизни. И какое продолжение последует?.. Однако уже во дворе родного модуля его грусть смело, как веником паутину. Дядя Терентий как-то подувал, а отец сиял, словно золотая подвеска на груди красавицы.

– Серый! – воскликнул он радостно. – Мы переезжаем. Мне квартиру дали!

– Представляешь, – оживленно тараторила мама, – папу в Абхазию направляют! В Сухуми жить будем, у самого моря!

– Ур-ра! – завопил Сергей и обменялся с дядей тайным знаком: я посвящен!

Облегченно выдохнув, Воронов присоединился к коллективному выражению восторга.

Глава 3

Война

Абхазия, Сухум. 1992 г.

Абхазия оглушила и закружила Сергея, как беспечный и бестолковый карнавал. Глаза, изголодавшиеся на скупой и суровой палитре Памирского высокогорья, буквально объедались роскошеством красок Юга, пышным кавказским разноцветьем, расточительным до неприличия. Синее небо, лазурное море, белые домики в нагромождениях глянцевої зелени – понятно было, почему северяне, газовики и нефтяники, дурели на южных пляжах! Сдуреешь тут...

Хотя сперва Сухум Сергею не глянулся – дурацкий морвокзал, серое бетонное чудище, загораживал весь вид. Но потом семейство Лобановых потолклось около арки на набережной, куда выходили фасады сразу трех отелей – «Рицы», «Ткварчели», «Абхазии», – и Сергей признал-таки Сухум «русской Ниццей», где стыковались Турция и Греция, Россия и Кавказ, деловая Европа и знойный Восток.

Поселили Лобановых в ужасном Новом квартале, но близость Черного моря искупала убожество советского стиля. Квартиру полковник Лобанов получил на пятом этаже, с видом на садики в частном секторе, где поспевали мандарины и хурма, бушевали заросли мушмулы и лавровишни.

Протопав по гулким пустым комнатам, полковник опустил на пол громадный баул с пожитками, выдыхая заветное:

– Прибыли!

Мама суетилась вокруг картонного ящика с посудой.

– Сергей, – спросила она озабоченно, – а ты не опоздаешь с поступлением?

У Лобанова-младшего сразу испортилось настроение и холодок пробежал по хребтине.

– С каким поступлением? – пробурчал он, хотя прекрасно знал, с каким.

– А ты что, – выпрямилась мама, держа в обеих руках овальное блюдо, – в вуз уже не собираешься?

– Нет! – решительно сказал Сергей и внутренне сжался: ох, сейчас начнется...

– Сere-ежа-а! – протянула мама грозяще-укоризненно. – Как это понимать? Тебе год до армии!

– Ничего, – усмехнулся Сергей, – отслужу как надо и вернусь.

– И как же ты будешь жить – без диплома? У тебя ж вообще никаких «корочек» нет!

– Перекантуюсь как-нибудь, – пожал плечами Сергей и с деланным безразличием уставился в окно.

– Серый, – сказал молчавший до этого отец, – а ты, вообще, мыслил насчет будущего? Куда тебя тянет?

– Да он... – запальчиво начала мать, но полковник Лобанов успокаивающе обнял жену за плечи, и та сникла.

Сергей длинно и тоскливо вздохнул.

– Не знаю, батя, – честно признался он. – Я ж не потому не хочу идти в институт, что ленюсь. Ну не знаю я, чего хочу! Вот к чему меня тянет? Ат-тличный вопрос! Только вот ответа я на него пока что не нашел! – Сергей спешил высказаться, пока мама не перебила. – Говорят, в каждом свой талант зарыт. А мне-то какой откапывать? Все мои способности – это скорость реакции да координация движений, ну, приемчики всякие могу показать... Не лодыр в роде,

кое в чем кумекаю. Надо будет, добьюсь чего угодно! Вот только чего именно? Какие такие мои желания? А фиг их знает...

Сергей насупился и мрачно глянул за окно, на праздничную зелень садов. После недолгого молчания отец спросил:

– И чем думаешь заняться?

Сергей почувствовал облегчение – гроза проходит! – и бодро ответил:

– Я еще там, у арки, объявление прочел. В военный санаторий спасатели требуются, там корочки не нужны, было бы здоровье...

В доказательство того, что здоровьем он налит по горлышко, Сергей повел костлявыми широкими плечами. Спасибо устоду Юнусу, набил в организм силы!

– Ладно, – вздохнул отец, – потом поговорим. Дуй в свой санаторий. Если что, я позвоню кому надо...

* * *

Устраиваться «через папу» не пришлось, Сергея взяли без разговоров – из Лобанова-младшего вырос высокий блондин с большими костлявыми лапами, с симпатичным жестким лицом и очень ясными серо-голубыми глазами. Такой, да чтоб не спас? Хотя следить за отдыхающими в бинокль и мужественно тащить из моря утопающих купальщиц Сергею почти что не пришлось. Основную массу времени отнимали прогулочные катера «Радуга» – то профилактику им делай, то моторы починяй. В паре с Сергеем работал его однолетка, Эдик Чанба, механик божьей милостью. Это был черноглазый здоровяк с длинными волосами а-ля хиппи, малорослый и коренастый. Эдик чаще всего разгуливал в одних леопардовых плавках, отчего загорел до цвета седельной кожи. Был он кавказских кровей, полуабхаз-полуадыг, русских девушек любил, а вот к Сергею относился прохладно и сдержанно. «Привет!», «Пока!» – вот и все общение.

...Закончился бархатный сезон, зима, короткая, как мини-юбка, сменилась бурным весенним цветением, и вновь курортники завалили своими бледными телами лежбища у моря. В августе 92-го Сергею стукнуло восемнадцать, и Родина-мать прислала ему повестку. Вместе с ним проходил медкомиссию и Эдик. Сын полковника Лобанова опознал его лишь по выгоревшим пятнистым плавкам – роскошный «хвост» хипповавшему абхазу срезали «под ноль». Получив военный билет, Эдик смягчился к Сергею, хотя черта между ними, за которую ни-ни, оставалась нестертой (Лобанов подозревал, что остаточная холодность вызывалась разницей в росте).

Перед «купцами» Сергей не слишком откровенничал и о своем владении приемами панкреатона не распространялся. Ну его... Забреют еще в десантуру и погонят в «горячую точку»! А оно ему надо?

Однако судьбу обмануть не удалось.

* * *

Темно-зеленый «КамАЗ» с табличкой «ЛЮДИ» на коробчатой будке отъехал от военкомата, взрыкивая дизелем, и вывернул на Профсоюзную. Новобранцы, выглядывая в узкие окошки, дико засвистели и затарабанили по гулким стенам: прощай, гражданка!

Сергей сидел у самой двери, Эдик притулился напротив.

– И куда нас теперь? – спросил Чанба.

– В Гудауту, наверное, – пожал плечами Сергей. – А может... не знаю!

Эдик печально покивал. И тут начали происходить события.

Ужасный грохот отрезал все звуки, грузовик подбросило и опрокинуло на бок. Рюкзаки, сумки, бритоголовые призывники – все смешалось в вопящую, стонущую кучу. Знакомо продолбил «ДШК», дырявя крышу будки, ставшую стенкой. Пули, противно чвакая, впивались в тела. Вопли перешли в вой.

– Уходим! – закричал Сергей и ногой вышиб дверцу.

– Куда?! – округлил глаза Эдик.

Сергей не ответил. Выбравшись на четвереньках, он огляделся. Грохоча гусеницами, проехала БМП. На броне, как мухи на дерьме, сидели грузины, потрясая кто «калашами», кто початыми бутылками вина. Из-за крыш пятиэтажек выплыл «Ми-24», метко прозванный «крокодилом», плавно развернулся и выпустил НУРСы по жилой «хрущобе». Было хорошо видно, как взрывом вышибло окна квартиры, как разлеталось горящее белье с веревок.

– Это чего? – раскрыл глаза и рот Эдик.

– Война! – коротко бросил Сергей.

Толстяк в пижаме, выскочивший на балкон глянуть, что там за диво, схлопотал осколок и перевалился через перила, кулем рухнув на крышу голубого «Москвича».

Спотыкаясь на ровном асфальте, Сергей перебежал к кабине «КамАЗа». Кабины не было. Снарядом ее разорвало, как бумажную хлопушку, а от тел двух офицеров и водилы одна гарь осталась.

Из переулка, поводя автоматами, выбежали грузины, человек пять или шесть. Командир их, живописно обрядившийся в гимнастерку с оторванными рукавами и застиранную пижамку, махнул рукой вправо-влево, и группа разделилась. Трое, короткими перебежками, кинулись к горящему «КамАЗу», где толпились растерянные новобранцы.

– Это гвардейцы ихние... – пробормотал Эдик за плечом у Сергея. – «Мхедриони»!

– До сраки мне их гвардия! – пробурчал Сергей и начал движение, с места совершая «прыжок кота». Перескочив гвардейцев, глазом чиркнув по «лицам кавказской национальности», обращенным вверх, Сергей упал «на четыре лапы» и обрушился на захватчиков с тыла. Издав «геройский клич», он заехал тому, что справа, курчавому и заросшему типу, по кадыкастой шее, смещая позвонки, а левому, лупатому, звезданул в ухо, чем нанес травму, несовместимую с жизнью. Третий грузин, тот, что бежал посередине, как раз обернулся и силясь понять, кто на них напал. Пока до него доходило, Эдик успел подскочить и грохнуть вражину разводным ключом.

– Готов! – сказал он слабым голосом.

– На! – Сергей протянул Эдику автомат. Чанба ухватил оружие со второй попытки – его мутило. Лобанов взял себе другой «АКМ» и содрал с убитого «лифчик» с запасными магазинами. Руки у Сергея не дрожали. Потому, наверное, что нервы были натянуты до звона.

– К военкомату? – спросил он мнения новобранцев. – Или куда?

– Не, мы к своим, – мотнул головой Артурчик Авидзба, «худой и звонкий» горец. – Можно автомат?

Сергей молча перекинул ему лишний трофей и воззрился на Эдика.

– И мы? – спросил Чанба.

– Бегом! – сказал Сергей.

И они помчались к морю – их матери работали в одной санатории. Сергей чувствовал себя как во сне. Нет, смердело по-настоящему, и разбитая коленка саднила вовсе не фантомной болью. Но то, что творилось в городе, могло происходить только во сне. Слишком уж резок был перепад между явью мирной и явью военной.

Улицы Сухума, некогда спокойного курортного местечка, выглядели нереально и жутко, будто на них шли съемки голливудского блокбастера. Но труп девочки в изодранном платье, горящая «Волга», танк «Т-72», поводивший пушкой на перекрестке, пара штурмовиков

«Су-25», бомбивших высотки 5-го микрорайона, не походили на декорации. Война шла вправду.

Пятиэтажка на углу, по которой «работал» «Ми-24», была будто освежена – наружная стена осыпалась, выставя напоказ квартирные потроха, чью-то разбитую, расстрелянную жизнь. «Крокодил» крутился над универсамом, лениво постреливая.

– Ноль-седьмой... – отрывисто сказал Эдик на бегу. – Это Джимми Майсурадзе номер! Аса грузинского! У него кличка знаешь какая? «Черный полковник»!

– Весь из себя... страшный? – выдохнул Сергей.

– Да не! Это сорт вина такой! Очень его Джимми уважает! У, гад, садит и садит... Прячься!

С ревом и подвыванием на улицу вывернула пара армейских «Уралов». В кузовах грузовиков стояли и голосили гвардейцы «Мхедриони», половина в камуфляже, половина в штатском. «Уралы» остановились, и грузины полезли через борта, организованной толпой ринулись грабить гастроном и универмаг.

Посыпались витрины, загуляло эхо довольного гогота, хлопнул одиночный выстрел. А самые дисциплинированные, откинув задние борта «Уралов», взялись за разгрузку. Крякая и голоса, они снимали «цинки» с патронами, шумно скатывали по доскам автоматическую безоткатную пушку, выволакивали ящики со снарядами и длинные зеленые контейнеры.

– ПЗРК «Игла»... – распознал Сергей тару и скомандовал: – Тебе левый «Урал», мне правый!

Выскочив из-за мусорного контейнера, он короткими очередями снял «своих» грузинов и помог Эдику добить гвардейцев, скачущих через борта левого грузовика. Злая радость скручивалась и распрямлялась в нем. «Так вам и надо!» – твердил Сергей про себя. Он глянул через капот, и в ту же секунду две круглые дырочки, расползаясь тонкими трещинками, возникли в ветровом стекле «Урала». Что-то горячее и опасное стригануло Сергея по волосам. Побелевший Лобанов махом упал на асфальт и каркнул:

– Магазин!

Приседая и пятясь, Эдик послал в сторону гастронома длинную очередь, выстреливая последние патроны. Не, тут нужен иной калибр... Сильно пригнувшись, Лобанов подбежал к безоткатке.

– Эдик! – проорал он. – Ко мне!

– Щас!

Эдик подтащил снаряды, Сергей зарядил и выстрелил. Грохнуло. И тут же рвануло в гастрономе, полыхнули огненные сполохи. Пустая гильза зазвякала почти неслышно, пуская удушливый дымок.

– Огонь! – восторженно скомандовал Эдик, затолкав новый снаряд.

От взрыва витрины надулись, как наполненные ветром паруса, и рассыпались сверкающими стекляшками.

– Сматываемся! – крикнул Сергей. – Рулить можешь? Заводи!

Ни слова не говоря, Эдик запрыгнул в кабину. Мотор взревел. Сергей выпустил еще пару снарядов, сиганул в кузов и заколотил по крыше кабины.

– Гони!

«Урал» дернулся и покатил вдоль по улице. Грузины повыскакивали из недограбленных магазинов, беспорядочно тратя патроны и злобу. Сергей шлепнулся на дно кузова, умоляя Вседержителя и Творца пронести мимо перекрестный огонь. Пронесло...

* * *

«Опоздали!» – мелькнуло у Сергея, когда он увидел здание санатория. Все стекла расколочены, на стенах выбоины от пуль крупного калибра, пляж перерыт мелкими воронками, кое-где песок впитал лужи крови. «Комета-44», перегруженная беженцами, уходила в море. А под широким навесом террасы, на раскатанном брезенте, лежали убитые. Семь человек. Шесть мужиков в шортах и плавках и одна женщина в белом халате и тапочках. Сергей помертвел – это была его мама. Эдик тоже узнал спокойное лицо тети Лены, обрамленное кудряшками крашенных волос, и горестно вздохнул.

Завхоз санатория, Петрович, выглянул опасливо из расколоченных дверей.

– Это с-с в-вертолета! – заговорил он, заикаясь. – Л-люди загорали, а он п-по ним из п-пушки! Ох, в-возвращается!

Петрович показал за дома вдоль набережной. Над их крышами всплыл «Ми-24». Бортовой номер «07». Сергей встряхнулся, муть на душе осела.

– Это он... здесь? – уточнил Сергей, кивая на тела.

– Он, он! С-семерочка, б-блин!

«Черный полковник» даже внимания не обратил на возню у санатория. Вертолет пролетел над берегом, сотрясая воздух kloчочущим рокотом, и унесся в море. С боевой подвески сорвалась пара РСов и унеслась к плюхавшей на волнах «Комете».

– Мимо! – закричал Эдик. – Яп-понский городской! Лоб, врежь ему!

А Лоб с холодной настойчивостью собирал ПЗРК. Пригодилась «военка», преподанная на заставе!

– Сука!.. – повторял он вздрагивавшим голосом. – Сука какая!

Ми-двадцать четвертый развернулся над волнами, отсвечивая боками в свете послеполуденного солнца. Сергей навел ПЗРК. С яростным шипением ушла «Игла», таща за собой нитку дымного шлейфа. Всклубился шар взрыва, хвост «крокодила» полетел в море.

– Попал! Попал! – заверещал Эдик. – Ага!

Ноль-седьмой завертелся и ухнул в волны, сверкавшие обливной синью, заколотил лопастями, словно пытаясь выплыть, и пошел ко дну...

* * *

Президент Грузии бросил на захват Сухума полсотни танков, сорок орудий, три тыщи полусолдат-полууголовников. А у абхазов были в запасе одни старые градобойные пушки да самодельные броневики. Боевыми единицами военно-морского флота стали прогулочные теплоходы «Комсомолец Абхазии» и «Сухум», а в качестве бомбардировщиков использовались мотодельтапланы и чиненый-перечиненый «кукурузник».

Сухум пришлось отдать врагу. Сергей Лобанов и Эдуард Чанба отошли с бойцами отрядов сил самообороны в село Эшера, за речку Гумиста.

В октябре была битва за Гагры, было отражение десанта грузин с моря, были рейды, атаки, марши...

Через год абхазы отбили Сухум. Грузины беспорядочно отступили к Ингури, а Шеварднадзе, лично руководивший обороной, спасся бегством на «Ту-134», переполненном ранеными и беженцами...

...Сухум был тих и пуст. В дом Эдика Чанбы угодила авиабомба, и Сергей повел друга к себе. Замирая, он поднялся на знакомую площадку. Обтер о штаны потные руки, задержал дыхание, позвонил в дверь. Отец был дома. За один год он постарел лет на десять.

– Ну, хоть ты живой... – выговорил отец, тиская сына и жмурясь.

- Ничего, товарищ полковник, – улыбнулся Сергей, – все будет нормально...
- Ошибаешься, Серый, мне уже генерала дали...
- Тем более!
- Квартиру обещали в Москве, – сказал отец с тоской. – Эх, как бы твоя мама радовалась...
- Ладно, батя, не переживай... – вздохнул Сергей и неловко приобнял отца. – Пойдем мы...
- Да куда ж вы пойдете?! – всполошился генерал Лобанов.
- В военкомат, доложимся по всей форме...
- Я обязательно звякну на самый верх! – пообещал Лобанов-старший. – Надо, чтобы вам засчитали «боевые»!
- Все равно дослуживать придется! – махнул Эдик рукой.
- Зато, батя, я теперь точно знаю, к чему меня тянет, – сказал Сергей с усмешечкой. – Добиваться справедливости! С оружием или так. Того гада, который маму... Мы его на дно пустили. А в вуз я после дембеля поступлю.
- Закинув автоматы на плечо, Эдик с Сергеем удалились.
- Дослуживать они отправились вместе.

Глава 4

Билет в один конец

Республика Таджикистан, 2006 год

Утром 5 ноября Сергей Лобанов проснулся поздно, часов в восемь. Праздничный день, можно и поваляться.

Сергей с хряском зевнул, с хрустом потянулся и блаженно расслабился, оглядывая свою «двушку» со всеми удобствами. Отцово наследство. Проморгавшись, он перевел взгляд на батин портрет. Генерал Лобанов, при всех онерах и причиндалах, выглядел орлом.

Странно даже: когда генерал жив был, они редко виделись, а теперь, когда генералу поставили в ногах памятник со звездой, его резко стало не хватать...

Требовательно закурлыкал телефон. Сергей нащупал трубку и поднес к уху:

– Алле?

– Это офис фирмы «Симург-ауто»?

– Да.

– Простите, а с кем я разговариваю?

– С директором. Лобанов, Сергей Корнеевич.

– Очень приятно! У меня старый «фолькс», ему уже лет двадцать, если не больше. Гремит, зараза! Движок ему сможете перебрать? Ходовку, там...

– А, ну, нет проблем. Подгоняйте... Начальнику мастерской я сейчас звякну. Он вам все обскажет... Зовут его Эдуард Тагирович Чанба, это механик – ой, да ну!

– Чамба?

– Чанба. Через «н», Наташа.

– Ага, ага... Спасибо, до свиданья!

– До свиданья...

Сергей встал и быстро оделся. Начинался новый день.

На улице было промозгло и слякотно, набухшие тучи крутились над Москвой, распарывая сизые чрева о шпиль университета. Поток машин струился по Вернадского из пункта «А» в пункт «Б». А раздетые деревья устраивали стриптиз – махали голыми ветками и сбрасывали с себя последние листья.

– Унылая пора... – пробормотал Сергей.

Грянул звонок. Лобанов подцепил трубку. В трубке трещало и посвистывало.

– Алле? – сказал Сергей и добавил погромче, перекивая помехи: – Алле!

– Не кричи, Лоб, – послышался спокойный голос, – я тебя хорошо слышу.

– Искандер?! – радостно воскликнул Сергей. – Привет! Как жизнь, сын славного Тиндара?

– Нормально... – сдержанно ответил Искандер.

– Как там Гефестай? – весело балаболит Сергей. – Как дядя? Чего не приезжаете?

– Слушай, Сергей, – серьезно сказал Тиндарид, – у дяди Терентия большие проблемы. Ты можешь прилететь? Только срочно!

– Что случилось? – насторожился Сергей.

– Рахмон Наккаш – помнишь такого? – совсем прижал дядьку, – обрисовал ситуацию Искандер. – Наккаш пробился в депутаты меджлиса¹⁹, Юр-Тепе уже как бы его вотчина, да

¹⁹ Меджлис – парламент. Госдума на таджикский манер.

почти что феодал. Творит, что хочет. И вся его банда при нем, как штурмовики при Адольфе. Мир-Арзал в помощниках ходит...

– А пограницы? – перебил друга Сергей.

– Какие? – горько сказал Тиндарид. – Застава уже лет десять как закрыта. У нас теперь даже мост через Пяндж не охраняется, ну тот, что в Хороге... Никаких шансов! Ты слушай, пока меня не прервали. Дяде известна тайна, про... к-хм... в общем, про одну пещеру (Сергей почувствовал мимолетное раздражение: от друзей у них секреты!), а Рахмон думает, там сокровища! И он устроил настоящую охоту на дядю, выжил его из дому, обложил, как... как не знаю кого. Терентий скрывается в горах за Ак-Мазаром, но в прятки с Наккашем играть бесполезно – долина тупиковая, а вход, он же и выход, Рахмон блокировал. Да ты и сам знаешь... Дядю надо спасать, – сказал Тиндарид с напором, – а положиться мне не на кого, местные трусят, а ты далече...

– Не теренди, – оборвал его Сергей, – совесть у меня еще есть, и память не отшибло. Надо так надо. Сегодня и вылетим, я и дружан мой.

– Через блокпост не прорывайтесь, – присоветовал повеселевший Тиндарид, – назовитесь лучше какими-нибудь там кикбоксерами. Завтра праздник, а бои без правил – это номер обязательной программы. Вас пропустят без разговоров...

– А что хоть за праздник? – осведомился Сергей, но Тиндарид уже бросил трубку. – Чтоб этим «перестройщикам» долбаным... – сказал он с чувством, пока набирал номер мастерской. – Алле! Кто это? Мишка, ты? Покличь там Тагирыча, скажи – срочно!

– Да он тут! – ответил невидимый Михаил и передал трубку.

– Алло, босс! – заговорил телефон смачным тенором. – Пролетариат на связи! Низы смиренно внимают верхам.

Сергей вздохнул – неисправим! – и сказал:

– Эдик, помнишь Искандера? Он еще в позатом году приезжал.

– А как же! Искандер... как же его... трынди-брынди... Тиндарид! Характер зюйдический, истинный грек.

– Ему надо помочь. Ты со мной?

– Как прикажете, босс!

– Какой я тебе босс, морда кавказская? – рассердился Сергей.

– Молчи, угнетатель!

– Ты можешь серьезно, балда?

– Сам балда! Чего ты ерепенишься? Надо так надо. Нешто мы без понятия?

– Учти, – честно предупредил Сергей, – там и убить могут.

– «Мне сладостен напев трансирующей пули!» – продекламировал Эдик и добавил значительно: – Как говорил мой дед Могамчери: «Не того спасай, кто тебе родней доводится, а того, кто тебя самого спасал!» Так я в аэропорт?

– Пулей!

– Рикошетирую! – хохотнул Эдик, и трубка издала короткие гудки.

* * *

Москва – Домодедово. Домодедово – Душанбе. Душанбе – Хорог. По Памирскому тракту Сергей с Эдиком добрались на попутке до самого Юр-Тепе. Еще в российском стольном граде они оба вырядились в бесформенные тренировочные штаны и длиннющие футболки, безразмерные куртки, крутые кроссовки и шапочки-«чеченки». Пряма-таки дуэт рэперов на гастролях. И удобно, и образ кикбоксеров поддерживает на уровне.

«Микрик» остановился, не доезжая до кишлака, – тормознули их на блокпосту, у двух штабелей бетонных панелей, зажавших дорогу. Трое бородачей в камуфляже, с автоматами и с поклоями на бритых головах, одинаковые, как тройняшки, лениво подошли к автобусу.

– Слышь, ты? – обратился тот, что слева. – Кто куда?

– Бойцы, – не моргнув глазом, ответил Сергей. – На туй²⁰.

– Приза хотим! – ухмыльнулся Эдик. – А хорош ли приз у Рахмон-джон?²¹

– Ай, хорош! – зацокал языком тройняшка. – Двухкилограммовый джип.

«На героин меряют!» – поразился Сергей и хлопнул ладонью по микроавтобусу:

– А этот сколько потянет?

– Этот? – тройняшка скатал губы трубочкой. – Грам двести-трист... Тошность, слышь, никогда не биват лишней, – пошутил бородачатый и махнул рукой прибывшим: – Пожаловат!

«Добро пожаловать!» – перевел Сергей и раскланялся с тройняшками.

– Ну, блин... – прокомментировал Эдик. – Вообще!

И двинулся, как привык, «на четвертой скорости».

– Тормози, – осадил друга Сергей. – У них тут туй! «Слышь»?

Да, по всем признакам, в кишлаке был праздник – отовсюду шел шум и гам, рыдала домра и сыпал рубаб, а ветерок доносил аппетитный запах плова.

– Сегодня ж шестое ноября! – осенило Чанбу.

– И что? – удивился Лобанов.

– Совсем отсталый! – насмешливо покачал головой Эдик. – День конституции у них, понял?

Тут на центральную улицу Юр-Тепе, заглушая домры и рубабы, вышел самодеятельный оркестрик. Краснорожий толстяк дул в трубу, тужась до предынсультного состояния, валторны выли и стенали, а ударнее всех трудился барабанщик, колотя по барабану и гремя тарелкой.

Стараясь не обращать внимания на галдеж, Сергей обшарил взглядом улицу. Узкую и пыльную, ее обжимал двойной ряд дувалов, глинобитные дома отворачивались от улицы, пряча дворы. Шуршала жесткая осенняя листва чинар.

– Гляди, кто пожаловал, – шепнул Эдик, тыча подбородком в сторону блокпоста. Сергей глянул.

К Юр-Тепе, подсакивая на буграх, пылил «Мерседес» с мигалкой. За ним, на почтительном отдалении, следовала пара черных джипов.

– Рахима Наккаша машина, – определил Сергей. – Ба-альшой человек! Подлый, как хореk, и скользкий, как глина после дождя. Видать, о корнях вспомнил, вонь рейтузная!

«Мерс» важно приблизился к толпе встречающих. Жители кишлака в едином порыве возликовали и окружили машину. «Мерседес» еле двигался, бампером раздвигая принарядившихся дехкан²². Потом на крыше авто открылся люк, и депутат меджлиса явил себя народу – огромный, пузатый, розовый кабан. Народному восторгу не было предела...

– Где ж наши? – тревожился Сергей, вглядываясь в толпу.

– Давай, босс, – сказал Эдик, – в народ сходим!

– Давай, пролетарий хренов...

Народ гулял. Отовсюду неслась музыка – брякал и звякал оркестрик, надрывались длинные трубы – уж никак не короче водосточных, терзались домры, а с подоконников резали ухо черные ящики динамиков, наяривая бравурные марши. Прямо из казанов ели шурпу, молодые гафизы пели, а пожилые аксакалы кучковались на верандах, вспоминая далекие годы молодые. Слышались возгласы:

²⁰ Туй – праздник.

²¹ Джон, акаджон – приставка, выражающая уважение.

²² Дехкане – трудовое крестьянство.

- Хорошо сидим!
- Добавочки мне, Зухра. Вот спасибо!
- Все равно плохо. Вот когда Сталинабад был, до такого бы не допустили!
- Ай, хорошо, что Рахим-джон приехал!
- Совсем как раньше – «ноябрьские» празднуем...

Симпатичная девчушка в национальном костюме, сильно накрашенная и должным образом проинструктированная, поднесла Наккашу блестящий, словно лакированный, каравай и прощebetала нечто приветственное. «Дорогой гость» величественно покивал, отщипнул хлеба, потрепал девчушку по щечке... Лобанову остро захотелось сплюнуть.

Обойдя толпу, он вышел к родной школе – одноэтажному строению в стиле барокко, окруженному палисадничком и хилыми зелеными насаждениями. Несмотря на легкий приступ ностальгии, прогуляться по гулкому, темному коридору «копилища знаний», содрогаясь от вида темно-зеленой краски на стенах, более приличествующей какому-нибудь СИЗО, Лобанова не потянуло.

– А где ж тут Микс-файт М-1? – завертел головой Эдик. – Где туземцы месят друг друга на потеху баю? Или беку?

– Хану, – поправил его Сергей и повел на баскетбольную площадку за школой. Там свистели и стонали болельщики – площадку превратили в майданчик, где состязались любители борьбы куреш. Обычная борьба на поясах – два пахлавона²³ в штанах, закатанных до колен, открывающих мускулистые икры, в коротких безрукавках на голое тело и в тюбетейках на мясистых затылках ухватились друг за друга и пыхтели, кряхтели, кружась и норовя бросить противника на три точки. Вот один пахлавон, с длинными усами, вцепился своему визави в поясной платок, дернул и обрушил того на спину. Толпа взревела от восторга. Победенный вскочил, красный и потный, но что ж тут поделаешь? Судьба такая! Пахлавон со злостью скомкал тюбетейку, отбросил пот с лица и нахлобучил обратно на голову.

– Ты уже здесь? – прогудел знакомый голос и предупредил: – Стой на месте, не оборачивайся!

– Гефестай? – спокойно сказал Сергей. – Что с дядей?

– Плохо, значить, – пробасил Гефестай, – взяли дядьку.

Сергей непроизвольно сжал кулаки.

– Надо выручать, – сказал Эдик, не отводя от пахлавонов безмятежного взгляда.

– Кто ж спорит... – басом отозвался Гефестай. – Дядьку в зиндане заперли – это в бывшем бомбоубежище, вон оно, через улицу. Искандер там...

– Я уже здесь, – послышался негромкий, запыхавшийся голос. – Они выставили охрану... а все тюремщики на крыше торчат, ждут боев... им оттуда все как с трибуны видно. Парни они азартные, уже ставят на победителя. Если их отвлечь хорошей дракой, на двор вертухаи даже не оглянутся...

Сергей скосил глаза, чтобы увидеть друзей. Ни капельки не изменились! Искандер все такой же тощий и нескладный, сухой и черный, со шрамом на худом лице. А на фоне огромного, широкого Гефестая Эдик теряется, как незначительная величина...

– Ясенько, – сказал Сергей. – Драку беру на себя. Я им устрою показательные выступления – ой да ну!

– Делайте ставки, господа! – не удержался Эдик.

– Ты не шуток, юморист-сатирик, а двигай со всеми вместе.

– Значить, я с тобой останусь, – прогудел Гефестай.

– Здрасте, а кому орудовать шанцевым инструментом? Топайте отсюда, друзья-товарищи, как-нибудь один справлюсь...

²³ Пахлавон – богатырь, борец.

Друзья-товарищи скрылись в толпе, а Сергей, без особых церемоний растолкав дехкан, пролез в ближний круг.

Наккаш был уже здесь, только не стоял, как все, а сидел в подставленном кресле.

По майданчику топтались двое. Оба – здоровые лбы, поперек себя шире. Один в мягких штанах, типа пижамных, другой в обрезанных джинсах, древних, поношенных «бананах». Голые торсы бойцов бугрились мышцами – словно ядра перекачивались под натянутой кожей.

– Видишь того, без тюбетейки? – шептались в толпе. – Зять ис-самого Рахим-джон! Холмирзо!

– Да ты что?

– Да! Очинно опасный. Марди мардон!²⁴

Лобанов внимательно посмотрел на Холмирзо. Это был огромный мужик с круглой, наголо обритой головой. Скобка черных усов соединялась с бородкой и придавала Холмирзо сходство с кинематографическим басмачом. Уши, как оладьи, прилеплены к шишковатому черепу, крупноватый нос хищно раздувается, а в глазах дрожит нетерпение живодеера – скорей бы вцепиться, закогтиться, терзать и рвать! Лобанов гадливо поморщился, и эту гримаску Холмирзо уловил. Он вскинул голову и уперся в Лобанова взглядом, тяжелым и неприятным. Сергей твердо и бестрепетно глянул на Холмирзо. Нехорошая улыбочка зазмеилась по пухлым, слюнявым губам пахлавона.

Игру в гляделки прервало мановение руки Наккаша – подошла его дочь, смуглая Хасият, затянута в модный костюмчик, и депутат дал отмашку.

– Ду-укбози-и мекунем! – проверещал устроитель боев. – Тан ба тан!²⁵

Холмирзо повернулся к своему противнику, накачанному верзиле с тяжелой челюстью и вислым чревом. Демонстративно поворачивал могучей шеей, присел, разводя колени, встал, сделал неприличный жест – мол, хана тебе! Верзила злобно заворчал и трахнул громадным кулаком в ладонь-лопату: это тебе хана!

– Холмирзо-о Самадов! – прокричал устроитель. – Против гостя нашего туя – Усмона Азиза!

Верзила стукнул себя в гулкую грудину и выпятил тяжелую челюсть. Толпа заметно ожилилась, юркие личности засновали, втихомолку собирая сомони²⁶, рубли и доллары. Ставки сделаны.

Холмирзо ощерился, приседая и выставляя руки. Усмон трубно взревел и бросился на Самадова. И тут же заработал каллазани, удар головой в лицо, – по подбородку гостя потекли две струйки крови из разбитого носа. Толпа взревела, но яростный рык Азиза был еще громче. Он ринулся на Холмирзо, как валун с горы, однако Самадов выскользнул из могучих лап и заехал Усмону локтем в бок. Усмон развернулся, нанося муштзани, – удар кулаком, но не достал верткого Самадова.

Толпа будто взбесилась – люди вопили, махали руками, слюной брызгали, бились об заклад, ставили то на Усмона, то на Холмирзо. Только Холмирзо ускользнет и треснет Азиза – поднимаются ставки зятя Наккаша. Достанет «гость туя» кулачищем своим Самадова – больше ставят на Усмона.

Неожиданно Холмирзо сделал Азизу подсечку – гигант грохнулся наземь. И тут же извернулся ужом, хватая Холмирзо за ногу. Тот дернулся, но куда там! Гость, рыча и пуская кровавые сопли, хрипло дыша ртом, перехватился, встал на колени. Холмирзо забился, лягнул Усмона, но тот даже внимания на это не обратил.

²⁴ Марди мардон (*тадж.*) – молодец из молодых.

²⁵ Начинаем бой! Один на один!

²⁶ Дензнак Таджикистана.

Толпа пришла в неистовство, даже вальяжный Наккаш вскочил, завопил, поддерживая зятя. И зятек не подкачал – так звезданул Усмону по тестикулам, что гость лицом посинел. Вывернулся Самадов, вскочил и давай гостя дорогого ногами месить. Усмон Азиз мычал, ворочался, харкал темной кровью, а Холмирзо зарумянился, стылая улыбочка заплесала на разбитых губах.

– Победа! – заверещал устроитель, бросился к Холмирзо и вздернул его руку. – Победил Самадов!

Толпа взорвалась свистом и улюлюканьем. Двое бритых парнюг в кожанках уволокли Усмона Азиза с майдана.

– Кто выйдет против победителя? – надрывался устроитель. – Кто бросит вызов Холмирзо?

А Холмирзо, высморкавшись двумя пальцами и обтерев их о штаны, вытянул руку, указывая на Лобанова.

– Вот он!

«Тоже мне, Вий нашелся!» – усмехнулся Сергей и громко сказал:

– На хрен ты мне сдался, синий ишак?

– Выходи давай! – заревел Холмирзо, багровея до вздувания вен.

– Люди! – заорал Сергей, высматривая друзей на заднем плане. – Надрать задницу «поччо Наккаш»?²⁷

Толпа боязливо молчала, лишь один голос высказался «за».

– Кани, бо забони руси гуед!²⁸ – прокричал Сергей.

– Надират! – перевел свое пожелание храбрец-одиночка.

– О! – просиял Сергей и сбросил куртку с плеч.

Рахмон Наккаш хмурился, Хасият строила Сергею глазки, а на фоне серой стены бомбоубежища-зиндана проявилась громоздкая фигура Гефестая. Можно начинать!

Первым напал Холмирзо – нанес очень быстрый удар рукой. Целил он Сергею в горло, но Лобанов рефлекторно отдернул голову и ответил тоже на уровне подсознания – отбил удар в стиле панкратиона. То есть не просто блок поставил, а с нанесением вреда. Холмирзо сморщился, ощутив острую боль в локте, отшагнул и высоко подпрыгнул, выбрасывая ногу и целясь пяткой в голову Лобанову. Сергей с удовольствием врезал Самадову по щиколотке и проговорил:

– Слышь, ты? Кончай!

– Щас кончу! – хрипло выдохнул Холмирзо.

Он крутанулся юлой, нанося высокий удар сначала левой ногой, а потом, обернувшись кругом, правой. Лобанов даже бить не стал, пригнулся быстро и выпрямился.

– Бей! – надсаживался возбужденный Наккаш. – Настучи кафиру по башке! Врежь ему!

– Ур! Ур!²⁹ – вопила толпа.

Самадов атаковал, нарвался на встречный удар и чуть без руки не остался. А Сергей чуть отступил, соображая.

Холмирзо хуже всего охранял голову... Надо было достать его ногой, так, чтобы угодить в переносицу, – удар средней силы между бровей гарантирует болевой шок и потерю сознания...

И тут Лобанов сам открылся. На какой-то миг, но и этого мига хватило Самадову, чтобы задеть правую руку Сергея – трицепс пронзила резкая боль, мышца онемела, и конечность повисла плетью. Холмирзо тут же закрепил успех, рубанув костяшками пальцев Лобанову по почкам.

²⁷ Поччо Наккаш (*тадж.*) – зять Наккаша.

²⁸ Скажи это по-русски!

²⁹ Ур! (*тадж.*) – Бей!

Сергея выгнуло дугой от сумасшедшей рези в боку. Звуки расплылись, свет померк, и Лобанов упал, чувствуя удушье от выброса адреналина.

– Не таёр я, – прокряхтел он, – ох, не таёр...

«На автомате» Сергей перекатился, вслепую уберегаясь от ударов лингазани и зонузани – ногами и коленями. Самадов вспотел, хэкал распыленно, глаза его горели, хищный хрящеватый нос раздувался, издавая прерывистое сопение.

– Бей, бей! – вопили в толпе.

Внезапно Сергея охватила ярость. Он показал Самадову «поворот вверх» из богатого арсенала панкратиона – подсекая одной ногой и добавляя другой для верности. Холмирзо свалился, но тут же вскочил – одновременно с Лобановым. Правая рука у Сергея работала еще плоховато, но он и с левой бил не худо...

Лобанов безошибочно ткнул Самадова большим пальцем в четвертое подреберье. Холмирзо отпрянул, серея лицом, и стал рубить ладонями воздух, создавая вокруг себя зону поражения. Лобанов пошевелил правой – вроде оклемалась... Хана Самадову, сейчас он его вырубит. Холмирзо, видимо, тоже понял это и решил сподличать – выхватил нож-печак, которым баранов режут, и бросился на Лобанова, скаля длинные желтые зубы.

– Мочи его! – надрывались самые отмороженные.

– Во имя Аллаха! – вскрикнул испуганно одинокий голос. – Остановитесь, правоверные!

Но куда там... Усилием воли Сергей вогнал себя в боевой транс. Эту хитрую науку устод Юнус преподавал им на последнем году обучения.

Свет несколько померк, а шум и гам доносились будто из Зазеркалья – звуки растягивались так, что резкий вскрик слышался низким мычанием. Время послушно замедлилось, секунды еле тянулись, люди едва шевелились – стояли почти недвижимым строем, растягивая рты и помахивая руками. Даже резкий замах Холмирзо казался ленивым потягиванием. И только Лобанов двигался быстро и ловко в загустевшей реальности, в мире, вдруг переключенном на пониженную передачу.

До глаз Сергея дошел блеск стали, он различил вычурные арабески на лезвии печака, резную костяную ручку, побелевшие пальцы Холмирзо с пятнышком зеленки на мизинце...

Тщательно примерившись, Лобанов отбил печак ударом ладони по плоской стороне клинка с уклоном в сторону. Не вовремя он бросил взгляд на зиндан. В проулке между чинарами и бетонной стеной стоял «уазик», прозванный «козликом». К его распахнутым дверцам поспешали трое, влекущие четвертого. Порядок!

Хищно прынувшие пальцы Холмирзо, метящие в зрачки, Сергей заметил за долю секунды до ослепления и тут же нанес страшный удар Самадову в кадык.

Сергей ни о чем не думал в этот момент, за него все решили мышцы и нервы, опередив врага и уберегая зрение.

Сергей услышал звонкий шлепок и слившийся с ним мокрый хруст. Панкратион не учил миллиметровке, это было искусство реального боя, где выигрыш – жизнь, а проигрыш – смерть. Выпад получился таким могучим, что Сергеевы костяшки и дыхательное горло Самадову перебили, и сонную артерию травмировали, и шею свернули.

– Босс! – донесся крик Эдика, и Лобанов будто очнулся, вышел из транса.

Увидел падающего Самадова с неестественно изогнутой шеей и иссиня-белым лицом, увидел замерших дехкан и лишь потом разглядел подъезжающий «уазик».

– Убили! – завизжала Хасият, падая на колени рядом с Самадовым. – Убили! Убили!

«Козлик», беспрерывно сигналив и взрывая мотором, вломился в толпу, бодая «гвардейцев» Наккаша. Эдик отворил дверцу, щерясь в неслышном крике.

Ноги были как чужие. Лобанов неловко добежал до «уазика» и плюхнулся на сиденье рядом с водительским. «УАЗ» тут же взвыл и, будто оправдывая прозвище, запрыгал по ухабам

и бордюрам, задним ходом вырываясь на дорогу. Дядя Терентий, сидевший за рулем, оскалится.

Лобанов посмотрел на Воронова, заметил рваную рубашку, сбитые костяшки и ссадины.

– Ты как?

– Втянул тебя... – виновато проговорил Воронов. – Ай, нехорошо...

– Пустяки, – сухо ответил Лобанов, – дело житейское! – Он почувствовал, что теряет самоконтроль, и грубо приказал: – Газуй, газуй давай! Сейчас вся свора кинется по следу!

* * *

– Взять! – орал Наккаш. – Убить кафира!

Пахлавоны, подручные депутата меджлиса, простые дехкане – все скопом сорвались с места. Взрели моторы пары джипов «Лендкрузеров». Бледные женщины высовывались из окон домов, причитая, охая, протягивая мужьям и братьям схороненные «калашниковы». Потрясая оружием, кишлячники, ближники Наккаша и просто сочувствующие полезли в кузов бортового «КамАЗа». Четверо или пятеро всадников проскакали на покорных пастушеских лошадях, воинственно гикая и подбрасывая старенькие винтовки. Сафари на человека началось.

* * *

Воронов гнал, срезая углы. Там, где дорога делала петлю, он ее «затягивал», пуская «уазик» скакать по траве.

– Вкругаля, значить? – поинтересовался Ярнаев, неизвестно как втиснувший свое крупногабаритное тело в закуток заднего сиденья.

– Нет, Гефестай, – подал голос Воронов, – надо... м-м... к метеостанции!

– Не доедем! – честно предупредил Гефестай. – Дороги нет! Плавали – знаем!

Лобанов не стал даже спорить. На станцию так на станцию. Долина, она как бутылка – войти и выйти можно только через горлышко. А горлышко забито пробкой – Юр-Тепе не проскочить.

– А на какую вы хотите станцию? – спросил Эдик, пригибая голову, чтобы не треснуться. – На ту, где синоптики пропали?

– Они не пропали, – пробурчал Воронов. – Они ушли...

– Куда?

– В одно место...

– Ох, финтите вы что-то!

Лобанов глянул в зеркальце заднего обзора и поймал напряженный взгляд Воронова. Дядя Терентий подмигнул ему и сказал:

– Догоняют!

– Жми на газ! – вырвалось у Тиндарида.

– Да я и так...

«Уазик» несся по травянистому склону, впереди уже завиднелся Ак-Мазар. Тут через гребень холма грузно перепрыгнули два черных джипа. Один не удержался, встал на передок и опрокинулся, плюща крышу. Так бы ему и кувыркаться до подножия, но громадный «КамАЗ», подскакивая на ухабах, сослепу врезался в повалившийся «Лендкрузер», как моторизованный носорог. Сыпанули искры, чутко помятый «КамАЗ» поскакал дальше, а джип отбросило и ударило о землю. И тут же снова подняло на столбе пламени – рванул бензобак.

– Один-ноль в нашу пользу! – прокричал Эдик и завопил: – Вы куда?! Там овраг!

– Знаю! – процедил Воронов. – Держись!

На долгую секунду гул подвески пропал и камешки перестали дробно бить по кузову. Горизонт опустился, покачался и вернулся на место – «уазик» перелетел овражек и сел с размаху, подпрыгнув на всех четырех колесах. Жалобно заскрипели амортизаторы.

А вот «КамАЗ» так легко не отделался. Водителю удалось притормозить перед оврагом, но он так резко развернул грузовик, что машина не удержалась и ляпнула на борт. Мстители высыпались из кузова, как арбузы, закувыркались, покатались по склону, некоторые сорвались в овраг, а самые злые открыли бешеный огонь по удалявшемуся «уазику». Короткие и длинные очереди секли пожелтевший типчак, ложась строчками пыльных фонтанчиков.

– Только бы не в шину! – взмолился Тиндарид.

Аллах прислушался, и пули прошли мимо.

– Надо разделить! – крикнул Гефестай и приложился темечком к раме. – Ш-шайтан! Сережка! Вы, значить, с дядей на коней и на станцию, а мы отвлечем этих!

– Правильно! – горячо поддержал Эдик.

– Отличная идея! – прокрихтел Воронов, дергая руль. – Может, подскажешь, где нам коней взять?

– Заскочим в Ак-Мазар! – подсказал Лобанов.

Он приоткрыл дверцу и оглянулся назад. Их по-прежнему догоняли джип и шестеро всадников. Вот, один откинулся на стременах, поднял винтовку и выстрелил. Со звоном разлетелось круглое боковое зеркальце.

– В Ак-Мазар! – решил Воронов. – Уговорили!

«УАЗ» скатился под горку и тут же взвыл, забираясь по склону в кишлак. Выскочили несколько любопытных, но выстрелы живо разогнали всех по дворам.

– Туда давай! – кричал Тиндарид, тыча пальцем. – Где конюшня!

– Да знаю я... – с натугой сказал Воронов, выворачивая руль.

Едва не встав на два колеса, «уазик» свернул к старой конюшне – длинному, приземистому сооружению. Ворота с обоих его торцов были распахнуты – конюшня проветривалась.

Терентий с ходу завел «козлика» в конюшню, нажимая на тормоза. Ни слова не говоря, Лобанов выскочил из кабины. Бесшумно закрыл дверцу и бросился к денникам, где испуганно ржали лошади.

– Седлай четверых! – скомандовал дядя Терентий.

– Почему четверых? – удивился Гефестай, вылезший из кабины и разминавший затекшие ноги.

– Вам нужно исчезнуть, – сказал Воронов непререкаемым тоном, – всем! Слышите?

За стенами конюшни проревел мотор, после дробно простучали копыта.

– А ты? – крикнул Тиндарид. – Мы что, зря тебя спасали?

– Не кричи, услышат! – окоротил племянника дядька и погрузился. – Выхода нет, Александрос. Уводи друзей в пещеру, ровно через два часа – «открытие врат»!

– А ты? – тихо спросил Тиндарид.

– Не пропаду, не бойся, есть тут один схрон... – усмехнулся Воронов и закричал, срывая голос: – Ну что вы стоите? Бегом!

Четверо друзей вскочили на коней. Воронов, быстро пожав всадникам руки, запрыгнул в «уазик». Таким его Сергей и запомнил – седого, с запрокинутым, сморщенным лицом.

– Вперед! – сказал Тиндарид и послал своего чалого за ворота. Гнедой, каурый и буланый порысали следом.

Тихой рысцей спустившись по кривому переулку, где ноги чиркали по дувалам справа и слева, Искандер выехал в промоину и поскакал, куда дядя показал – на юго-запад, к горам, уже забеленным снегами.

Краем уха уловив звук «уазовского» мотора, Сергей обернулся и успел заметить качавшуюся крышу «уазика», уводящего преследователей к заставе.

– Пригнись! – велел Ярнаев.

Лобанов пригнулся к шее гнедого, цепляя взглядом блеск тонированных стекол «Ленд-крузера», несшегося за уазиком.

– Сработало! – крикнул Эдик.

– Не совсем, – остудил его энтузиазм Лобанов. – Справа!

– Бляха-муха!

По правую руку от них, огибая кишлак, неслась пятерка всадников.

– Ходу!

Коняки, застоявшиеся в стойлах, резво перешли в галоп.

В ушах Лобанова свистел ветер, и надо было поворачивать голову, чтобы услышать разухабистое гиканье позади и разбойничий посвист. Но охотники на людей не стреляли, видать, хотели живьем взять.

– По речке – вверх! – крикнул Тиндарид. – За мной!

Гнедой, каурый и буланый помчались за чалым, глухое тюпанье копыт сменилось резким хрустом гальки. Разбрызгивая воду мелкого ручья, конь Искандера скакал по руслу вверх, среди сухих зарослей мяты и камчинбутты. Лобанов припустил следом, не слишком погоняя гнедка, – тот и сам ревниво нагонял чалого, не желая быть ведомым. Эдик и Гефестай скакали в арьергарде. За их спинами гул шел от дробного топота, плеска и подвывания мстителей.

Пологие берега незаметно поднялись, вздыбились скалистыми утесами и сузили небо до кривой синей полосы. От сырых стен ущелья тянуло холодом.

– Скоро уже, скоро... – прерывисто говорил Тиндарид. – Помнишь, Гефестай?

– Ё-мое, – пробасил Ярнаев, – как щас.

Лобанов помалкивал – с каждым скоком гнедка он приближался к разгадке давней тайны детства...

В стене ущелья обозначился боковой разлом, и Искандер свернул туда. Чалый, гневно фыркая, потянул вверх по крутой осыпи, проламывая копытами подмерзшую корку.

За ущельем потянулось небольшое плато. Было холодно, ветер поддувал колюче и знобко, на скалах и россыпях камней лежали шапки первого снега. А поперек плато неслась река, ревушая и бурная, воды ее, цвета кофе с молоком, кипели, выметывая брызги на три метра.

– Форсируем! – крикнул Тиндарид.

Лошади без охоты вошли в воду, и тут же возле их боков вздулись буруны. Ноги Лобанову будто кто в морозилку сунул – кофе-то со льдом, оказывается! Гнедой почти лег на бок, сопротивляясь течению. Дно стало мелеть, и бурун опал. И вдруг – яма! Коня под Лобановым повалило, вода перехлестнула через холку. Гнедок поплыл, занырявая.

– Держись! – донесся вопль.

Гефестай проскакал по берегу и влетел в воду наперерез беспомощно влачащемуся гнедку. Поймав конька за повод-чомбур и хлеща камчой буланого, Ярнаев потащил утопающих к берегу.

– Как водичка? – хрипло спросил он.

– Как кипятком ошпарили!.. – выдохнул Лобанов. Его трясло от холода.

Оглянувшись на другой берег, он увидел мстителей, крутящихся в мелкой воде.

– Дальше не проедем! – крикнул Тиндарид. – Никаких шансов.

– А как? – беспонятливо спросил Эдик.

– Ножками, ножками!

Лобанов спрыгнул с коня, чувствуя, как деревенеет на холоде ткань.

– Пошли!

Поминутно оглядываясь, четверка поспешила к узкому проходу в скалах. А за проходом друзьям открылось куда более величественное зрелище – ледник. По обе стороны застывшей ледовой реки возвышались зубчатые хребты, ледяной панцирь стекал между пиков сине-зеле-

ными застывшими водопадами и соединялся в полосатый скат. Куда ни глянь, все перегорожено ледяными стенами, пильчатыми гребнями, фирнами, отовсюду торчат карнизы и балконы изо льда. Подавляющая красота!

По голубому телу ледника текли ручьи, оканчиваясь воронками. Вода в них засасывалась со свистом, кружась и шипя, а рядом открывались трещины с острыми, как ножи, краями. Стекло-гладкие стенки круто уходили в черно-синюю глубину.

– Нам туда! – показал Тиндарид на пологий солнечный склон, где бурела полоса лугов с круговинами стелющегося арчовника. Лобанов лишь плечами пожал. Туда так туда...

Склон с сухой порослью выровнялся и простелился плоским уступом у подножия крутого скалистого пика. На коричнево-желтом фоне сухой травы ярко зеленел плоский домик метеостанции, поднятый на сваях. Рядом торчал шест антенны на растяжках, стояли щелястые ящики с приборами.

– Нам не на саму станцию... – сипло проговорил Ярнаев, сходя с протоптанной тропы.

– Как себя чувствуешь? – нахмурился Лобанов.

– Нормально... – просипел Гефестай. – «Горняшка»³⁰ донимает... Хоть и не вертикальный предел, а все-таки почти пять кэмэ... Вот!

Ярнаев остановился и указал на скалистую стену, вздыбленную в темно-синее небо.

– Что? – не понял Эдик.

– Пещера!

– Где?

Искандер с Гефестаем провели друзей к хитрому входу в грот – каменные стены перекрывались, заходя одна за другую, и различить черное зияние было непросто.

– Заходите!

Пещера была высокой, по сторонам сосульками и бахромой свешивались сталактиты, а с пола, как сталагмит, поднимался мутный конус льда – из щели наверху капала вода и бил различимый луч света, рассеивая вечный пещерный мрак. Грот расширялся, уходя в гору, а в глубине подземного зала отсвечивала стена, сложенная из обтесанных камней.

– Это чего? – озадачился Эдик.

– Это портал, – добродушно ухмыльнулся Гефестай, оживленный и просветленный будто. Тиндарид вдруг насторожился.

– Сергей, будь другом, – сказал он, – сходи проверь, далеко ли догоняльщики!

Лобанов безмолвно поднялся и выскользнул из пещеры. Пусто было вокруг, но не тихо – ледник смеялся, дико визжа и воя. А далеко на сверкающем фирне четко выделялись пять черных фигурок. Лобанов бесшумно вернулся и доложил:

– Пятеро! Идут по фирну!

– Успеем! – кивнул Тиндарид и поднял руку. – Чувствуете? Такие иголки в пальцах?

– Чувствую... – сказал Чанба. – Будто отсидел!

– Это близится «открытие врат»! – торжественно провозгласил Тиндарид. – Минут пять еще...

Лобанов с Чанбой переглянулись. Эдик пожал плечами.

– Ты что-нибудь понял, босс? – спросил он и гордо признался: – Лично я – ни бум-бум!

Внезапно Сергей ощутил, как покалывание в пальцах разошлось по рукам. Иголки заплясали на спине, поднимались по ногам...

И тут грубая каменная кладка прорезалась светлой полосой. Полоса разошлась, открывая проход в обширное помещение, круглое в плане.

– Быстро, быстро! – заторопился Тиндарид.

³⁰ Горная болезнь.

Гефестай первым шагнул в туннель, Искандер прошел вторым, затаскивая упиравшегося Эдика. Сергей помог ему, пихая Чанбу в спину, и сам очутился в круглом зале, обнесённом колоннадой. Посреди, на мощном постаменте, возвышалась мраморная статуя двуликого Януса.

– И где мы? – спросил Эдик, будто истукану вопрос задал.

Но Янус, бог времени, бог порога и врат, входа-выхода и всякого начала, безмолвствовал. Он стоял, опираясь правой рукой на посох, а в левой держа ключ. Две короны венчали божество. Слабый луч света, пробивавшийся сквозь дырочку в кровле, освещал то лицо Януса, что было обращено в прошлое.

– Мы, значить... того... в древней Парфии! – прогудел Гефестай.

– На дворе – сто семнадцатый год от Рождества Христова, – уточнил Тиндарид.

– Вот тебе и весь сказ! – растерянно сказал Эдик.

Разбуженная их голосами сова, дремавшая под крышей, захлопала крыльями, и по лицу статуи скользнула тень – Янус будто улыбнулся, коварно и всезнающе...

Глава 5

Попаданцы

Парфия, Антиохия-Маргиана, 117 год н. э.

На Лобанова нашло состояние легкой пришибленности. Он стоял у каменной колонны, водил рукой по желобкам-каннелюрам, и все вертел головой – то на «врата» глянет, мерцавшие искристым, бледно-лиловым контуром, то на высокую бронзовую дверь храма, прикрытую неплотно, пропускавшую в щель голубую ясность неба. Там – гулкий грот, тут – капище. Там – сосульки сталактитов, тут – дорические колонны по кругу. Просто в голове не укладывается...

За вратами затопали сапоги, зашатались тени, и из мира в мир перескочила «великолепная пятерка» – в пакистанках, в покоях, с «АКМами» наперевес. Сергей узнал Мир-Арзала и Даврона.

– Вот они! – взревел Мир-Арзал, и тут, словно напугавшись трубного голоса, врата сжалась в сверкающую точку. И исчезли.

Зато широко распахнулась бронзовая дверь. Хлынул свет. Пятная его тенями, в храм ворвался целый отряд в кольчугах, в латах, с копьями, луками, острыми мечами. Воины, хозяева в свое время, издали боевой клич и бросились на «гостей из будущего».

Сразу стало тесно, крепко пахнувшие латники тыкали копьями, равно тесня и обалдевших боевиков Мир-Арзала, и Сергея со товарищи. Грохот щитов, лязг мечей, гортанные крики переполнили святилище.

Сергей отпрянул за колонну. Как назло, ничего под рукой! Тиндарид завопил что-то на койне³¹, но его грубо оборвали, едва не снеся голову боевой секирой. Искандер пригнулся и сделал воину подсечку, тот ляпнулся на пол.

И тут затарахтели выстрелы – наркашевцы вышли из ступора. Пули дырявили и кольчуги, и латы, пуская гулять бухающее эхо.

Воины отпрянули, в их криках ярость сменилась страхом и болью.

Стробоскопические вспышки выстрелов обрисовали бородатое лицо Мир-Арзала. Боевики, распахивая подстреленных парфян, скользя по пролитой крови, ломались к бронзовым дверям. Даврон с размаху вышиб створку могучим плечом, и вся пятерка, матерясь по-русски и по-таджикски, вырвалась во двор.

Бешеная контратака наркашевцев еще пуще распалила воинов-парфян, и они словно решили отыграться на Сергее и его друзьях.

Тиндарид остервенело рубился трофейным мечом, Гефестай, ухая, махал тяжелой секирой, Эдик отбивался копьем, держа его как дубину, поперек. Двуликий Янус равнодушно созерцал побоище.

– К выходу! – проорал Сергей. – Эдик! Гефестай!

– Ага! – хэкнул Чанба, гвоздя витязя в кольчуге копьем и добавляя, для страховки, древком по шлему.

Двум копьеносцам удалось повалить Гефестая, орущая куча-мала заворочалась и разлетелась. Бранясь на непонятном языке, Гефестай воздвигся лютым шатуном. И как пошел махаться – хук с левой, прямой с правой, пинок туда, тумак сюда... Надо же, мелькнуло у Сергея, Ярнаева из себя вывели. Это надо уметь!

Косолапый парфянин напрыгнул на Лобанова, кроя воздух коротким мечом-акинаком.

³¹ Разговорный эллинский язык.

Сергей увернулся от меча раз, увернулся другой, потом это ему надоело, и он заехал кулаком в морду рубаке, расквашивая тому нос. Рубака отпрянул, зато в живот Сергею уткнулось острие копья, рассаживая кожу. Еще одно сунулось под лопатку. Не убивая, удерживая только. Лобанов дернулся, и стальной наконечник тут же пустил ему кровь – не балуй!

– Сергей, сдавайся! – долетел крик Искандера. – Нам их не одолеть!

– Да я вижу! – откликнулся Сергей. Копьеносец тут же надавил, и Лобанов сказал со злостью: – Ну чего ты давишь? Не видишь, что ли? Сдаюсь я, успокойся! Чтоб тебе...

Пожелания он не договорил – всех четверых вытолкали за двери во двор – прямоугольное, замкнутое саманной стеной пространство, по которому бегали воины в кольчугах до колен и с шестиугольными щитами.

«Культовое здание» было круглым, с кольцевым навесом, подпертым деревянными колоннами, обмазанными глиной и оштукатуренными алебастром, – все «как у людей»... А над головой синело небо, а ниже горбатились купола и проглядывала крепостная стена с зубцами. С улиц неведомого города волнами накатывался гомон тысячных толп, его перебивали крики верблюдов и непереносимый скрип громадных колес арбы. Наплывали запахи – поднятой пыли, благовоний и навоза, дыма от хлебных печей-тануров и еще чего-то, приторно-сладкого, кислого, жженого, разваренно-парного...

И все это просто не укладывалось в голове: ну как можно было, проникнув в пещеру, выйти на улицы города? Сто семнадцатый год, вспомнил Сергей. Ну не глюки же это?

Воин-усач ткнул его в спину древком копья – дескать, топай. Всех четверых вытолкали на улицу, окружили плотным каре и повели.

Главная улица была неширока, метров пяти поперек, и обсажена деревьями, зеленевшими молодой листвой. Н-да. Явно не осень.

– Весна идет, – пробурчал Лобанов, осматриваясь, – весне дорогу...

– Тиндарид! – окликнул Эдик. – Мы где?

Ему тут же наподдал оскопищем³² копья молодой нервный стражник.

– Я щас кому-то так пихнусь... – пригрозил Эдик и заработал тычок посильнее. – Блин, чего ты распихался, чмо приبلудное?!

Стрелки моментом натянули луки.

– Успокойся, – посоветовал ему Искандер. – Тут сначала стреляют, а потом гадают, стоило ли...

– Где – тут? – сказал Эдик спокойнее.

– В Антиохии-Маргиане... Город такой.

– Вот теперь все понятно! – взбодрился Эдик. – Как говорил мой дед Могамчери: «Правильно ориентируйся на местности, чтобы знать, куды бечь!»

Конвоиры заорали, прокладывая в толпе дорогу.

Толчея была страшная. На куртки с надписью «Адидас» и рэперские штаны никто не обращал внимания – к чужеземным модам тут привыкли. В Антиохии сходились караванные пути, тасуя народы и смешивая языки. Персы с курчавыми бородами разгуливали в конических барашковых шапках, в хитонах и сандалиях, болтая на койне. Смуглые кочевники-саки щеголяли в кожаных штанах и коротких безрукавках, свои длинные черные волосы заплетали в косицы и выражались звонкой латынью. Арабы ходили в белоснежных рубашках-галабийях. Индийцы в тюрбанах кутались в теплые плащи. Кушаны с чалмами на головах и в широких шароварах запахились в халаты. А может, то были бактрийцы или еще кто... Короче, полный интернационал.

³² Древко копья.

– Во, толкучка у них! – воскликнул Эдик и покосился на стража – тот сделал вид, что не заметил нарушения режима. – Офигеть! Вот это я понимаю – базар. Наш «Черкизон» по сравнению с ним просто сонное царство, музей под открытым небом!

Вдоль всей улицы были выставлены товары на продажу – на лотках, прямо на дороге, в лавках, под навесами, в нишах стен, и сказать, кого здесь толклось больше, продавцов или покупателей, было сложно. Все кричали, трясли тканями, звякали медными кумганами, брякали китайским фарфором, пересыпали зерно, нахваливали свою продукцию, хаяли конкурентов, приценивались, ругались, разбегались, опять сходились, по новой вступая в товарно-денежные отношения.

– Эй, люди! – подал голос Сергей. – Может, смоемся?

– Смоешься тут... – пробурчал Гефестай. – Шаг влево, шаг вправо – и все пузо стрелами утыкают...

– На твой пузень, – не удержался Эдик, – у них стрел не хватит.

Гефестай добродушно хмыкнул.

– Ты еще не понял, где ты и когда ты, – сказал Тиндарид. – В Антиохии четыре... ну, как бы микрорайона, и все обнесены стенами. Отдельно живут парфяне, отдельно эллины, отдельно римляне. И каждый квартал огорожен, и весь город в кольце укреплений. Никаких шансов!

Дома, обступавшие главную улицу, смыкались боками на манер таунхаусов, чередуя плоские крыши с крутыми куполами, сочетая эллинские колонны и портики с архитектурными изысками Индии и Персии. На перекрестке улицу перекрывал котельный свод, а сразу за этим пассажем открылась небольшая площадь перед стоящими друг против друга кумирнями Ахурамазды и Анахиты. Их порталы-пиштаки, покрытые орнаментом, здорово украшали улицу, но Лобанова больше привлекла женщина под аркой храма Анахиты. Наряженная в полупрозрачные шелка, оголяющие грудь, женщина танцевала, позванивая браслетами на стройных ногах. Она извивалась, вскидывала руки, трясла бедрами, глядела призывно, то кокетливо скрывая пол-лица краем одеяния, то откидывая легкую ткань и улыбаясь, правда, неласково. Жрица любви, безо всяких кавычек.

По ступеням храма спускался седенький старичок в тунике и с сумкой через плечо. Увидав его, Искандер охнул.

– Гефестай! – зашипел он. – Видишь того старика?

– Какого? – приглядевшись, Ярнаев прогудел: – Е-мое! Да это ж Антоний!

– Антоний! – заорал Тиндарид, уворачиваясь от кулака копыеносца. – Да подожди ты!.. Антоний!

Хорошо, что у старичка сума на плече висела, а то бы он ее уронил. Антоний изумился, всплеснул руками, заковылял по ступеням, щеря беззубый рот.

Выглядывая поверх плеча конвоира, хватаясь за скрещенные копыя, Искандер прокричал что-то на незнакомом Сергею языке. По «усатым» словам Лобанов опознал латынь.

– Это Антоний! – радостно сообщил Искандер. – Он раб Тиридата. Тиридат нам поможет!

Известие это Сергея не обрадовало, а вызвало обиду. «Друг называется! – подумал он. – Всю жизнь секретничал. Если бы не Наккаш, так бы и не узнал ничего...»

За храмовой площадью тянулись невысокие одноэтажные домики, и стал виден диз – городская цитадель на высоком плоском холме, крепость в крепости, где был прописан местный владетель дизпат. Над цитаделью возвышалась могучая башня кёшк – прообраз донжона рыцарских замков, далеко с нее видать, всех врагов перечтешь, пока те к стенам города подберутся.

Почему-то именно этот вид, с фортецией на заднем плане, окончательно убедил Лобанова, что он совершил тур в прошлое. Оценить это сейчас, прочувствовать и понять у него просто сил не было. Нужно время, чтобы невероятное стало привычным, тогда только ум выйдет из-за разума и примирится с чудом...

Главный у воинов, толстогубый и щекастый малый в смешном коническом шлеме, прокричал новую команду, и конвоиры поворотили пленников на дорогу к дизу, хитрым зигзагом проходившую по склону холма. Отвели в башню и бросили в глубокую каменную яму. Тяжелая деревянная решетка накрыла ее сверху.

– Вот тебе и весь сказ... – вздохнул Эдик, поднимаясь с полу и отряхивая с рукавов прелую солому.

Сергей обошел яму кругом. Сплошной камень. Нары и те – каменный приступок.

– Александрос, – сказал он прохладным голосом, – пяти минут тебе хватит, чтобы объяснить?

– Хватит, – с готовностью ответил Тиндарид. – Как мы попали в прошлое, ты меня лучше не спрашивай, все равно не скажу. Не знаю! Тут физики высоколобые головы сломят, а я простой врач. Ну действует какой-то там межвременной портал, и пусть себе действует... Но ты не представляешь, до чего ж я рад, что мы все сюда попали! И не нужно больше ничего от тебя скрывать! Не мог я раньше объяснить, слово дал. Понимаешь... Я родился здесь! По-настоящему я Александрос, ну, Александр. Это я на Памире стал Искандером... да и привык уже. Тиндар, сын Абнеоса Селевкийского, – мой отец. Он торговал шелком, ходил с караванами в Китай. Ему всегда фартило, а когда мне исполнилось двенадцать, везуха кончилась. Напали кочевники. Все разграбили, отца убили... Нас с матерью продали в рабство за долги. Мать пристроили на кухню, а я прислуживал за столом – был я мальчик красивый, и гости любили вытирать грязные руки о мои кудри...

– Придурки! – вырвалось у Эдика.

– Да нет, – равнодушно пожал плечами Тиндарид. – Так было принято в Риме, а в Антиохии старательно подражали латинским модам и обычаям. Римская община по-прежнему полагала себя частью Империи. Это еще Красса когда побили под Каррами, парфяне два легиона в плен увели и здесь поселили... Однажды наш толстый сосед, Публий Секст, подвыпил и стал меня лапать. Я вывернулся, но он разохотился уже, приказал мне заголиться и стать раком. Я его стукнул и убежал. За мной кинулись вдогонку. Сначала я решил укрыться у Тиридата, но погоня была близко, и я юркнул в храм Януса. Представь себе – вечер, стемнело уже, я врываюсь в целлу³³ и вижу, как в стене распаивается дверь! В ту самую пещеру. Я возблагодарил богов за спасение и перешел из века первого в век двадцатый... Спасибо дяде Терентию, пристроил у себя. Хотя какой он мне дядя! А все равно роднее его у меня никого нет. И ты только представь себе, что было бы, узнай о портале тот же Наккаш. Никаких шансов! Хорошо еще, что врата открываются раз в полгода и всего на пару минут... Но и этого хватило Мир-Арзалу с дружками. Автоматчики в античном городе – это предел всему!..

– И я, значить, – пробасил Гефестай, – из времен сих, хоть и не из этих мест. Сами мы из Индии, верные подданные кушанского царя. Имя у меня эллинское, как у Искандера, в честь бога Гефеста, только на кушанский манер. Ярнаев... это не фамилия, так отца моего звали – Ярнай, фамилии кушанам не давали... А в Антиохию меня дед Кадфиз привез и поместил в митраистский монастырь. Традиция у нас такая в роду, чтобы младший сын делался монахом, – все равно из наследства ничего не достанется, все на старшего переписут, ну, кой-чего среднему перепадет... Из митреума я сбежал, мыкался-мыкался, чуть не сдох. Слава Митре, пособил Тиридат, переправил к Теренцию Варрону – так правильно звать нашего дядю... Теренций сам из римских патрициев, но с младых лет поставлен Хранителем памирских врат...

– Кем поставлен? – осведомился Сергей, исчерпав ресурс удивления.

– А вот этого мы и сами не знаем! – добродушно ухмыльнулся Гефестай. – Может, этих хранителей – целая куча, а врат – сколько станций в московском метро. И шныряют они по всем временам, присматривают за человечеством, правят историю... Кстати, Тиридат тоже Храни-

³³ Целла – святилище храма, иначе – наос.

тель. А если бы проводился турнир Парфии по панкратиону, Тиридат запросто бы стал чемпионом. Надо будет ему сказать, пускай бы провел для нас мастер-класс!

– Все это очень интересно, – перебил его Эдик, – но позволю себе напомнить – мы в заднице!

– Тиридат должен нам помочь, – убежденно сказал Тиндарид.

– Да что ты говоришь! – комически изумился Эдик. – Правда, что ли? И что теперь? Сидеть и ждать?

Сергей, ни слова не говоря, поднялся. Сейчас он чувствовал себя гораздо спокойней. Странно, его загружают невероятно, а на душе легчает! Лобанов подпрыгнул и повис на одной руке, цепляясь за решетку.

– Не, – доложил он, – не пролезть. Жердины кожаными ремешками перевязаны, а чем резать?

Он спрыгнул вниз и отряхнул руки.

– Как говаривал мой дед Могамчери, – протянул Эдик: – «Надейся только на самого себя!» Слышь, Гефестай? Ты у нас самый накачанный...

– И что? – подозрительно спросил сын Ярная.

– Попробуй ее сдвинуть!

– Хм...

Гефестай отошел к стене, взял короткий разбег и подпрыгнул, хватаясь за жерди. Упервшись пятками в стену, он поднатужился и сдвинул решетку, выпрямляя ноги в коленях.

– Ура, – спокойно сказал Эдик.

– Руку! – придушенно рыкнул Гефестай.

Чанба подпрыгнул, хватаясь за опущенную пятерню, и был вознесен наверх, как рыбка маленькая. Рыбки большие – Тиндарид и Сергей – освободились сами.

Наверху был круглый сводчатый зал. Узкие бойницы в толстых стенах цедили свет, скрепя пыльные лучики на каменном полу. Слева начинала закручиваться винтовая лестница, уводящая на верхние этажи башни кёшк, откуда доносились глухие голоса, а справа висела на мощных петлях дверь, сколоченная из толстых лесин.

Гефестай подергал дверь.

– Заперто, – прогудел он и спросил деловито: – Вышибать?

– Действуй! – сказал Сергей.

Осторожничать было не в его правилах, да и какой толк от «взвешенного подхода», когда выбор прост, как ложка? Тут так – убей или умри! А с чего бы ему помирать? Или ожидать казни?

Гефестай подпрыгнул и ударил по двери обеими ногами. Навесы выдержали, а вот лесины оказались слабы – слетели с петель. Сын Ярная приземлился уже во дворе, за ним выскочили Эдик с Тиндаридом. Последним, щурясь в клубах трухи и пыли, выбрался Сергей. И замер – десятки стрельцов, пеших и конных, натягивали луки, целясь в их четверку. Снова заширкали мечи, покидая ножны, угрюмо засверкала сталь.

– Капец нам... – пробормотал Эдик.

Рассерженный аркапат, комендант крепости, тот самый губастый-щекастый, что вел конвой, вскинул руку с плетью. Раскрыл рот, готовясь отдать команду...

– Назад! – крикнул Сергей, отступая к башне, но по сорванным дверям уже топотали сапоги воинов с мечами наголо, видать, спустились с верхних ярусов кёшк.

Лобанов прынул влево, ныряя под руку с мечом, вывернул ее и прикрывшись воином, взмокшим от боли, как живым щитом.

– Не стрелять! – заорал он, будто кто понимал его русский, и прорычал, докручивая конечность в кольчужном рукаве: – А ну, отдал меч!

Отбрав клинок, Сергей отступил к стене, волоча «щит» за собой. Тренькнула стрела, Лобанов отбил ее мечом и оглянулся. Гефестай поступил в меру своих сил – он столкнул лбами двух парфян и отнял их щиты. Одним щитом защищался от стрел, а другим отбивал наскоки мечников и копейщиков.

Эдик хоть и не владел приемами панкратиона, но своего противника, косматого кочевника-сака в кожаных бронях, нокаутировал. Снял у того с пояса кнут и здорово им управлялся, стегал так, что перешибал дротики.

Искандер, раненный в ногу, щерился и отмахивался двумя мечами сразу. Стрелы выбивали ямки в кирпичной стене кёшк, улетали в пролом выбитой двери, но долго так продолжаться не могло. И когда во двор диза влетели шесть всадников в латах с ног до головы, с длинными, четырехметровыми копьями, Сергей ощутил смерзание кишок. Это были катафрактарии, тяжелая конница, парфянские рыцари. От этих панкратион не уберезет...

Катафрактарии послали своих здоровущих, бронированных коней в галоп и угрожающе наклонили копья. «Как жуков на булавку...» – мелькнула у Сергея тоскливая мысль-предчувствие.

Неожиданно наперерез черным коням катафрактариев бросился белый конь с седоком в простой тунике. Его лысый череп блестел, как лакированный, а на мощную грудь спадала черная борода, завитая колечками по ассирийской моде. Седок издал повелительный крик, и катафрактарии замедлили свой бег, осадили коней, сворачивая с таранного пути. На Сергея пахло едким лошадиным потом и духом разгоряченного тела, из-под громадных копыт сыпалась глиняная крошка.

– Это Тиридат! – ликующе вскричал Искандер. – Тиридат!

Тиридат, махнув Тиндариду, подъехал к аркапату и заговорил с ним, указывая на пленников и взглядывая на небо, наверное, призывал богов в поручители.

– Он говорит, что мы не дэвы, – торопливо переводил Тиндарид. – О боги! Они нас посчитали дэвами, засланцами злого бога Аримана! Тиридат ручается за нас и... и говорит, что мы – охотники на дэвов!

– Спасибочки, – криво усмехнулся Эдик, – в киллеры записали!

Сергей отпустил полузадушенного воина, которого держал локтем за шею, и тот упал. Закашлялся, заперхал, отползая прочь. Аркапат дал себя убедить, и Тиридат сунул ему увесистый мешочек. Простые тут нравы, усмехнулся Сергей. Губасто-щекастый милостиво кивнул, принимая взятку, и прокричал команду «Отставить!».

Стрельцы ослабили тетивы луков, воины сунули мечи обратно в ножны. Отбой тревоги.

– Тиридат... – прошептал Искандер. – Боги, боги, сколько ж я тебя не видал! – Спыхватившись, он торопливо проинструктировал товарищей: – Выкажите почтение! Тиридат – не простой парфянин, он фратарак, князь здешний, из древнего рода Михранов. И еще он вазург, то бишь вельможа царя царей.

– Мы прониклись, – успокоил друга Сергей.

Подъехавший Тиридат осмотрел всех четверых, сверкнул белозубой улыбкой и сделал жест, понятный без перевода: за мной!

Оглядываясь и толкаясь, четверо друзей покинули диз и спустились на главную улицу. Толпа, скучившаяся у стен крепости, угрожающе зароптала. И тут же лязгающий голос выкрикнул, властно и непререкаемо, то же самое слово, слышанное Сергеем от Тиридата и понятое как приказ «Стоять!».

Толпа расступилась, пропуская череду старперов в тяжелых расшитых одеяниях белого цвета.

– Это жрецы Ахурамазды, – обреченно сказал Искандер, – местная инквизиция... Никаких шансов!

– Да они что тут, совсем озверели? – возопил Эдик. – Сколько можно уже?

На его крик тут же отреагировали физически развитые молодые люди в золоченых латах, со взведенными арбалетами³⁴. Выстроившись в две шеренги, они окружили четверку пеших и одного всадника. Жрец, которого Сергей признал главным по наличию золотых цапок на рясе, вышел вперед и затянул моление.

– «Когда возмущен и разгневан Митра, солнечный бог, – заунывно толмачил Гефестай, – стрелы тех, кто любит его, из луков добротных, тугих, бьют без промаха в цель! Когда разъярен, то безжалостен Митра слепящий!»

Наголо обритый служка-дастур, часто кланяясь, поднес старшему жрецу-эрбаду тяжелый свиток из пергамена, испещренного квадратными буквицами арамейского письма. Эрбад принял свиток с поклоном и шагнул к Сергею. Желтые рысьи глаза жреца смотрели пронзительно и колюче.

– Чего ему надо? – оглянулся Лобанов на Гефестая.

– Ты должен возложить руки на свиток, – растолковал сын Ярная. – Это «Авеста», священное писание, и если ты дэв, то руки твои вспыхнут пламенем...

– Ясно, – кивнул Сергей. – Проверка на вшивость.

Лобанов преувеличенно серьезно поклонился и опустил руки на свиток. По толпе пронесся вздох разочарования – так надеялись на дэва глянуть, и на тебе! Не воздвигся двухэтажным чудищем, не завыл, сгорая в пламени Митры слепящего!

Сдерживая ухмылку, Сергей отвернулся и увидел на крыше дома через улицу наркашевца с пистолетом. Лобанов резко присел, спихивая Эдика и Гефестая с линии огня. Грохнул выстрел. Пуля 44-го калибра прошла бок эрбада. Старик, хватаясь за рану, упал. Толпа завывала, началась давка. Вторым выстрелом разнесло череп одному из молодых арбалетчиков. Сергей скакнул к нему, подхватил выпавшее из рук оружие и выстрелил по боевику с разворота. Нашупай он сразу спусковой крючок, наркашевец живым бы не ушел, а так тяжелая железная стрела лишь прободала боевику ногу. Боевик согнулся, словно от рези в животе, и сгинул.

– Сергей! – крикнул Тиндарид, падая на колени перед раненым жрецом. – Прикрой меня!

Он выудил из куртки сверток, разложил его – это был набор хирургических инструментов – и достал скальпель. Распоров рясу эрбада, Искандер оголил рану, алое на белом. Гефестай протянул ему индпакет.

– Держи!

Тиндарид обработал рану антисептиком, наложил тампон и перебинтовал. Подбежавшие жрецы замерли в нерешительности.

– Больному нужен покой! – строго внушил им Тиндарид, скривился и сказал то же самое на местном наречии. Жрецы переглянулись, понятиливо кивая. Шестеро молодцов, переквалифицировавшись в братьев милосердия, бережно подхватили высохшее тельце главного жреца.

– Как говорил мой дед Могамчери, – пробормотал Эдик: – «Мелкая неприятность – не крупная, а крупная – не смерть».

– Мудрый у тебя дед, – усмехнулся Сергей. – Пошли! Инквизиция дает добро...

Тиридат поманил друзей за собой. Жрецы не препятствовали.

– Ну и денек... – пробасил Гефестай.

– Один за три! – жизнерадостно сказал Эдик.

³⁴ Арбалеты были известны римлянам, хотя и не походили на привычные нам средневековые, представляя собой как бы ручные баллисты.

Глава 6

Роксолан

Антиохия-Маргиана, дом Тиридата

Дом у Тиридата был зело велик и богат – высокое двухэтажное строение, украшенное по фасаду кирпичными колоннами, облицованными мраморными плитами с каннелюрами-желобками – не отличить от настоящих!

Во внутреннем дворе плескался квадратный хауз – бассейн, обсаженный кустами олеандра, гранатов и роз. Прямо в воду глядела огромная арка айвана – продолговатого сводчатого зала без передней стены, открытого во двор. Это была парадная комната, ее по всему периметру украшали барельефы, а в углах торчали глиняные статуи, раскрашенные по эллинскому обычаю.

Тиридат спешил и передал коня подскочившим слугам. Слуги суетились, метались, хлопоча и прогибаясь. Барин приехал!

Произнеся любезности, полагавшиеся по этикету, фратарак поручил гостей Антонию – тот весь лучился и радостно шамкал. Семеня и качая головой, Антоний провел всю четверку в михмонхону, комнату для гостей. Сергей похмыкал, осматриваясь. Комната... Скорей уж зал – площади тут... квадратов под шестьдесят будет. Вдоль стен по периметру тянулась суфа, стены покрывала многоцветная роспись. Как в детском рисунке – тут тебе и солнце, и луна со звездами, домики, деревца, полуголые красавицы... Последний элемент, правда, явно не из книжки-раскраски.

Поверху зал перекрывался резными балками-прогонами, а в перекрытие были вделаны особые глиняные фонари.

– О-хо-хо! – застонал Гефестай. – Наконец-то я сяду...

С видом крайнего блаженства сын Ярная разместился на суфе и привалился к стене. Что-то ему мешало, он поерзал, а после вытащил из бокового кармана геологический молоток с лоснящейся рукояткой. Сергей уселся рядом и кивнул на орудие труда:

– Хобби?

– Да вроде того... – смутился Гефестай. – Поступил, значить, в Горный, на геохимику, три курса проучился, а четвертый не одолел. Мозги у меня... такие... труднопроходимые...

– Пустяки, дело житейское, – сказал Эдик, прилегший на суфу, – зато здесь ты будешь геологом номер один.

– Эт точно! – расплылся Гефестай. – Ох, опять вставать... Тиридат идет.

Хозяин, переодевшийся в легкий халат, оглядел всех и похлопал по груди сперва Искандера, потом Гефестая.

– Эллин! Кушан! – сказал фратарак и ткнул пальцем в Сергея: – Алан? Савромат? Роксолан?

Лобанов понял так, что Тиридат интересуется графой «национальность». Роксолан... Роксолан... Что-то такое было... То ли он читал где-то, то ли в школе проходили по истории... Вроде как роксоланы числились в предках русских.

– Роксолан, – согласился Лобанов. А что тут еще скажешь?

– Мактэ!³⁵ – улыбнулся Тиридат и перевел вопрошающий взгляд на Эдика.

– Сармат! – определился Чанба.

³⁵ Макте (лат.) – отлично. Ehem – ага.

– Эхем, – сказал Тиридат. – Эвге!

Тиндарид, волнуясь и сбиваясь, заговорил на латинском, размахивая руками и единожды кивнув на Лобанова и Чанбу. Фратарак улыбнулся и сказал:

– Бонус эст. Гради!³⁶ – и показал пальцами: «ходить, идти».

Лобанов с готовностью кивнул, хотя смысла сказанного не уловил.

– Сейчас поедим, – оживленно протарахтел Искандер, – а потом нам Тиридат приемчики покажет!

Антоний расстелил дастархан и выставил угощение – тушеные бобы с телятиной, изюм, пахучее вино в запыленном кувшине. Сергей мигом умолот свою порцию, схарчил и добавку.

– После сытного обеда по закону Архимеда... – разевался Гефестай. – Полагается поспать!

Сергея в сон не тянуло. Разлегшись на толстом ковре, он лежал, лениво поглядывая на рябющую воду хауза, вспоминал события перенасыщенного дня и отходил, приноравливаясь к древнему миру, ставшему реалом... Бесшумно ступая, появился Тиридат и сделал знак: «Гради!» Сергей живо поднялся.

– Панкратион! – бросил Тиридат через плечо.

Он вывел Сергея в просторный внутренний двор, замкнутый портиками в четырехугольник. Палестра, так у древних эллинов называлась спортплощадка. Хотя какие они теперь древние...

Упругой походкой Тиридат вышел на середину двора. Его босые ступни уминали толстый слой красного песка. Фратарак поманил «роксолана» и занял стойку, пошире расставив ноги, пригнувшись и слегка разведя руки.

Сергей почесал в затылке, ткнул себя пальцем в грудь и показал на Тиридата – дескать, правильно ли я понял? Мне нападать на вас? Тиридат нетерпеливо кивнул.

Ла-адно... Лобанов даже не пытался приложить «чемпиона Парфии», хотел только основательно коснуться его, наметив удары, но они не прошли. Сергей был быстр, чертовски быстр, но Тиридат был еще быстрее – кончики пальцев Лобанова или костяшки раз за разом били в пустоту, взбивали воздух безо всякого толку.

Лобанов отпрянул. Э, нет... Это вовсе не скорость реакции, тут что-то другое! Тиридат вроде как предвидел, куда станет бить Сергей, и уходил, уворачивался еще до удара!

Устод Юнус что-то такое говорил... С сожалением. Надо бы, мол, тренировать не только бицепсы-трицепсы-квадрицепсы, но и «мышцу мозга». Рука ведь сама по себе не бьет – сначала мозг отдаст команду мускулам, и только потом последует удар.

Сигнал пройдет по нервам, мышцы сократятся... Нокаут! Но мысль, излучаемая вовне, говорил устод, обгоняет биотоки, бегущие по центральной нервной, надо ее только уловить, распознать как-то, и тогда ты выступишь оборону еще до нападения. Противник вот-вот выдаст хук левой или прямой в голову, а у тебя уже пошел встречный удар!

Устод тогда сокрушался, что искусство опережающего боя утрачено. А хрен там! Вот оно! Лобанов попробовал обдурить Тиридата – выбросил левый кулак, метя мастеру в голову, остановил движение, не закончив, и звезданул правым. Мастер должен был прыгнуть в сторону от удара левой, но он даже не дернулся. Зато прямой правый угодил в пустоту – Тиридат отклонил голову и пропустил кулак Лобанова над плечом. Это было как издевка, и Сергей почувствовал гнев.

Фратарак понял его состояние, заговорил успокаивающе. Затем он хлопнул в ладоши, и из-под навеса вышел Антоний.

Тиридат велел ему что-то на латыни. Тот почтительно склонился.

– Хик эст Антоний, – представил его фратарак, – инструктор.

³⁶ Bonus est. Gradis (лат.) – Хорошо. Идем.

– Инструктор! – удовлетворенно повторил Лобанов, слыша хоть одно знакомое слово.
– Сик! – кивнул Тиридат и удалился в тень.

А «инструктор» Антоний, сосредоточившись и отрешась от земного, начал обучать Лобанова науке опережать события – дал новенькому испытать противного млечного настоя, и Сергей быстренько вышел «за скобки» нормального человека. Он вдруг обрел способность видеть звуки и чують запах смеха, слышать красивую форму и осязать придуманный образ.

Антоний уселся на теплый песок, сложив голенастые ноги кренделем, смежил веки и затянул мантру, монотонно и нудно. Не размыкая глаз, инструктор показал пальцами: повторяй!

Лобанов опустился на колени и присел на пятки. Сбиваясь и путаясь, занудил за инструктором, попадая в тон. С первого раза в памяти остались лишь отдельные слова – «ка», «ба», «хуну-неферу», «сетх», «сэтеп-са», «та-кем»... Даже сейчас, в лето сто семнадцатое от Рождества Христова, от них веяло такой древностью, что мурашки по коже. А слова выговаривались и выговаривались, голос Антония повторял и повторял стародавнюю формулу, словно заклятие накладывал. И наложил-таки.

Бормотание Антония отдалилось, стало неразборчивым и пропало. Пропал теплый песок под ногами. В уши проник совершенно незнакомый шум. Сергей открыл глаза и осмотрелся.

Он не сидел. Он стоял в узком зале, окаймленном двумя рядами массивных колонн. Их капители были украшены узором хекер – вырезанными в камне метелками тростника. Высокий потолок был расписан под звездные небеса, а пол сиял розовыми гранитными плитками.

В двух шагах от Лобанова стоял столик из черного дерева, инкрустированный слоновой костью, малахитом и лазуритом. На столике пускала ароматный дымок курильница из хрусталя.

Лобанов оглянулся, шагнул нетвердо к просвету меж колонн, завешенному пестрой тканью. Перед ним открылся огромный парк, засаженный финиковыми пальмами. За парком текла широченная река, по мутным водам ее плыла ладья, живо напоминая хейердаловскую «Ра». Заслышав шорох, Лобанов обернулся. Позади стоял плотно сбитый смуглый человек. На нем была короткая юбка и пестрый воротник из бисера шириной в тетрадь, прикрывавший плечи, спускавшийся на спину и грудь.

– Сенеб, анх уда сенеб³⁷, – проговорил смуглый и с достоинством поклонился.

– Сенеб, – ответил Лобанов, не узнавая собственный голос. В голове у него зашумело, колыхавшиеся занавеси меж колонн стали совсем уж расплывчатыми и пропали. Сам он оказался сидящим задницей на пятках посреди палестры. Лицо Антония словно всплыло из ниоткуда, и голос его произнес:

– Сальве!

– Сенеб, – выдавил Лобанов.

– Мактэ виртут! – обрадовался Антоний. – Евге! Пербелле!³⁸

Тут Антония окликнул его хозяин. Тиридат вышел из тени портика и шагнул на песок палестры. Антоний, с трудом разогнувшись, затараторил, шепеляво и взволнованно. На лице Тиридата изобразилось удивление, он уважительно глянул на Лобанова.

– Радитикус, комес! – бодро сказал фратарак и нанес молниеносный удар костяшками пальцев, выцеливая кончик Серегиного носа. Слабый удар гарантировал обильные слезы, а звезданешь посильнее, обеспечишь тяжелый болевой шок и даже смерть.

Лобанов легко ушел, щелкнув Тиридата по косточке у запястья снаружи. А надо было опередить фратарака и увернуться, взяв мысль об ударе!

³⁷ Сенеб, анх уда сенеб (*древнеегипет.*) – Здравствуй, жизнь, здоровье, сила (обращение к фараону).

³⁸ Salve! (*лат.*) – Здравствуй! Evge – превосходно. Perbelle – прекрасно. Macte virtut – молодец. Raditicus, comes! – Клево, пацан!

Знать бы еще, как она выглядит, эта мысль... Ведь, когда бьешь кого-нибудь по морде, не представляешь образ, не думаешь словами. Отдаешь подсознательно приказ мышцам – грудным, широчайшей, бицепсу и прочим – сократиться и расслабиться так, чтобы кулак попал по подбородку неприятеля. И как ощутить этот приказ? Как поймать отпущенную мозгом мысль? Думай, голова, думай...

Фратарак связал несколько четких и звонких слов.

– «Отражение злого»! – громко перевел Тиндарид.

Кто ж тут такой злой, подумал Лобанов за секунду до того, как Тиридат толкнул его в грудь «лапой тигра».

Сергей попытался устоять, но полетел кувырком. Ошеломленный, он вскочил. Тиридат сделал движение и тут же оказался рядом. Костяшки его правой руки, сжатой в «копыто лошади», коснулись Серегиной шеи над ключицей. Лобанов увел корпус с линии атаки закручиванием торса и ответил двойным ударом, локтем и коленом. Тиридат блокировал локоть, но от колена уйти даже он не успевал и прынул влево, защищая правой рукой печень, а левой – пах.

– Мактэ! – обронил Тиридат.

Не останавливая начатого движения, он шагнул вправо, вlepил Лобанову между бровей пяткой с поворотом корпуса, подскочил, обрушил удар правой рукой по косой вниз в точку над ухом, повернулся, ударил растопыренными пальцами Сереге в шею и тут же левой ногой – по одному месту.

Лобанов пропустил удар, ослабив его поворотом тела и напрягая пресс, и попал Тиридату большим пальцем в свободную точку между ребер, добавив короткий укол в солнечное сплетение.

– Есть! – завопил Эдик. – Ты взял мысль, босс!

– Да ничего я не брал! – сердито сказал Сергей, отпыхиваясь.

– Че ты гонишь? – прогудел Гефестай. – Да ты бы иначе не попал! Плавали – знаем!

Недоверчиво отмахнувшись, Лобанов бросился на фратарака.

Четыре раза раб переворачивал клепсидру, пока запаренного Лобанова и свеженького Тиридата не кликнули на обед-кену.

– Месяцок бы... позаниматься, – выдавил Лобанов.

– Позанимаешься! – обнадежил его Искандер. – Это я тебе гарантирую.

* * *

Под вечер, перекусив лепешкой с зеленым чаем, Сергей перенес постель наверх, на плоскую крышу. Он сидел и слушал, смотрел, тянул к себе все ниточки этого мира.

В синих сумерках Антиохия лежала нагромождением серых коробок и черных треугольников теней. Желтые огоньки светилен мерцали в проемах окон, красные язычки факелов дразнили небо со дворов и улиц. Город затихал, начиная дремать. Соседи лениво переговаривались, топотали животные в хлевах, хрупая зерном, по-бумажному шелестела невидимая листва, кто-то пел вдалеке, перебирая струны кифары... Лобанов сонно поморгал на игольные звезды и заснул.

Глава 7

Охота на дэвов

Антиохия-Маргиана

На окраине Антиохии лежал большой пустырь, поросший фисташкой и саксаульником. Здесь не строили домов и не распахивали огородики – место являлось запретным. Посреди пустыря, на небольшом холме была сложена приземистая дахма – Башня молчания. За ее невысокими, в два человеческих роста, стенами хоронили умерших. В точности, как указывал Заратустра. Ни землю, ни огонь нельзя было осквернять касанием мертвого тела, и верующие приносили трупы в дахму. Дожидались, пока птицы склюют плоть, и складывали кости на хранение – тут же, в укромных нишах башни.

Сюда-то и привел сподвижников Мир-Арзал Джуманиязов. Самое безопасное место!

– Бо-ольно! – хныкал Шавкат Айязов, хилый и квелый, вечно невымытый усатенький молодчик. Он сильно хромал, подволакивая ногу, простреленную арбалетной стрелой.

– Кончай скулить! – рявкнул Тураб Мирзаев, коренастый и плотный верзила. Его квадратное лицо удлиняла аккуратная борода от уха до уха, а вот усы он тщательно сбрасывал.

– Ага, тебе бы так!

Исмат Юртаев, незаметный человек среднего роста, без особых примет, в разговор не вступал, побрякивал только, когда перебрасывал два тяжелых хурджуна³⁹ с правого плеча на левое или наоборот.

– Сейчас придем, перевяжем... – проворчал Мир-Арзал, настороженно всматриваясь в сгущения теней. – Сам виноват! Зачем стрелял? Я тебе что сказал? Кафиры нам живые нужны! Как ты собираешься выбираться из этой дыры?

Он смолк. Дахма нависла над ними, пугая черными тенями. Стая огромных, откормленных воронов взлетела, оглушительно хлопая крыльями. Мир-Арзал, выпускник Пермского университета, не верил ни в Аллаха, ни в Иблиса, но и его пробрало хриплое, пронзительное карканье. Нечто зловещее, потустороннее чудилось в криках вспугнутых птиц-могильщиков.

Робко ступая, боевики прошли в башню. Запах мертвечины был устоявшимся, но в нос не ударял.

– Там кто-то есть! – глухо выговорил Исмат, хватаясь за автомат. – Вон, сидят!

Мир-Арзал быстро положил руку на «АКМ» Юртаева:

– Не стрелять! – и нервно хохотнул: – Щас увидишь, кто там сидит...

Подойдя ближе, Исмат с содроганием различил три трупа в белых саванах, перепоясанных ремнями кушти⁴⁰. Мертвяки были привязаны за ноги и за волосы, чтобы птицы не растащили кости. В прорехах разорванных пелен торчали обклеванные ребра, черепа с ошметками скальпов бессмысленно скалились в вечернее небо.

– О Аллах! – прошептал Исмат.

– Убедился? – хмуро спросил его Мир-Арзал. – Давай, перевяжи этого.

– А чего сразу я? – попытался возмутиться Юртаев.

– А кто?! – рявкнул Мир-Арзал. – Я?

Тураб быстренько организовал костерок и засновал вокруг башни, собирая хворост, – изображал полную загруженность.

³⁹ Хурджун – переметная сума из ковровой ткани.

⁴⁰ Кушти – ритуальный пояс.

Сплюнув, Исмат достал аптечку и склонился над Шавкатом.

– Чуть что, сразу Исмат, Исмат... – продолжал он бурчать.

– Тихо! – шикнул на него Мир-Арзал. – Кажется, Даврон идет.

Тураб осторожно опустил на землю охапку сухих веток и скользнул к арке входа. Через секунду обернулся и кивнул:

– Точно.

Даврон Газиев бесшумно миновал подлесок. Тише, чем нитка входит в ушко иглы, проник в дахму и опустился на корточки возле костерка.

– Ну что? – спросил Мир-Арзал нетерпеливо.

Но Даврон знал себе цену. Один из лучших разведчиков Гульбуддина Хекматиара⁴¹, он терпел Мир-Арзала, соглашаясь на более спокойное место второго в группе, но не любил, когда тот равнял его со всеми прочими. Даврон Газиев – это вам не серая масса вроде Шавката с Исматом, он даже по Интернету шарился, заходил на форумы неверных...

– Видел кафилов, – изрек Даврон, сочтя, что время доложить пришло. – Поселились в богатом доме... – Смолкнув, он пожевал губами и продолжил: – Знаете, где мы?

– В Афгане? – поднял голову Шавкат и сморщил лицо от боли. – Поосторожнее!

– Потерпишь! – сказал Исмат с ожесточением.

– Афган! – фыркнул Даврон. – Ты хоть один минарет видал? Хоть одну машину? Хоть один провод над улицей?

– Так мы в Пакистане? – вытупил глаза Шавкат.

Даврон с сожалением посмотрел на Шавката.

– Этот город, – сказал он значительно, – зовется Антиохия-Маргиана, а страна – Парфией. Знаете, какое время на дворе? Сто семнадцатый год!

– Хиджры? – слабо выдохнул Исмат.

– До хиджры еще пятьсот лет! – раздраженно высказался Даврон. – Еще не родился пророк и некуда совершать хадж.

Ошеломленные бандиты притихли, осмысливая сказанное.

– Та-ак... – тяжело сказал Мир-Арзал. – Это меняет дело. Хотя почему? Кафилов все равно надо брать! Проводниками нам будут, выведут в родное время.

– Они что-то там такое болтали о межвременном портале, – энергично кивнул Даврон. – И я узнал, когда снова откроются эти их врата... – Выдержав мхатовскую паузу, он договорил: – Через полгода!

– Отлично... – процедил Мир-Арзал. – Тогда так. Патроны беречь! Стрелять только по команде и только одиночными. Без оружия мы здесь никто и звать нас никак! Пограбим местное население, захватим кафилов, выждем шесть месяцев и уйдем. С добычей!

– Тут неподалеку дом богача, – сказал как бы между прочим Даврон. – Мельника Пакора...

– Вот и начнем с него! – кивнул Мир-Арзал. – И еще какой-нибудь храм грабанем. И заляжем на полгода!

– Один храм только? – разочарованно спросил Шавкат.

– Один храм! – передразнил его Даврон. – А ты хоть видел здешние храмы? Да там даже на колонны листы золота накручены! Статуи из золота отлиты, подсвечники разные, чаши! Да тебе каравана верблюдов не хватит, чтобы утащить все золото из одного только храма!

– Ух ты... – пролепетал Шавкат. – Тогда я согласен!

– Слава Аллаху! – съязвил Мир-Арзал. – А то я беспокоился, все думал, а согласится ли Шавкат-джон?

⁴¹ Г. Хекматиар – один из лидеров афганских моджахедов.

Боевики захохотали, и их горбатые тени запрыгали по стенам дахмы попеременно с дырчатыми силуэтами трупов.

На дело вышли с утра. Переоделись в местное тряпье, что успели стянуть у торговцев на базаре, и явились к особняку Пакора. Этот домик занимал половину квартала, замыкая в себе пару внутренних двориков и выпирая в небо тремя разновеликими куполами.

Банда вошла нагло, как к себе домой. Страшные слухи о «дэвах с молниями» помогли им сберечь патроны – рабы Пакора попрятались кто куда, а мордатые охранники не оказали сопротивления.

– Этих в хауз! – распорядился Мир-Арзал. – Шавкат, сторожи.

Важный Айязов остался бдеть, щелкая затвором АКМа и грозно хмуря брови. Охранники, по пояс в воде, вздрагивали и ежились, наполняя трусливое сердчишко Шавката непередаваемым блаженством.

Мир-Арзал с Давроном на пару поблуждали по комнатам, хапая все, что выглядело дорогим, пока не попали на женскую половину. Жена Пакора, толстая гримза, не привлекла их внимания, Даврон только сорвал с визжавшей мельничихи тяжелые браслеты кованого золота, а Мир-Арзал конфисковал целый хомут из ожерелий – жемчуга, бериллы, яхонты, золотые цепи.

– Эге-ге! – весело сказал Даврон, откидывая занавес. – Да тут есть кое-что посвежее старой овцы! Глянь, какие ягнятки!

Мир-Арзал глянул и обнаружил будуар, устланный коврами во много слоев. Там, проваливаясь в мягкость ковров, стояли две девушки, чернявые и пышненькие. Они дуэтом залопотали что-то с перепугу, но Даврон цыкнул на них, и дочери Пакора смолкли, будто он их выключил.

– Даврон! – показал Газиев на себя и ткнул пальцем в девушку, чьи черные волосы были заплетены в сорок косичек.

– Азата... – назвалась дочь Пакора.

Ее сестра не стала дожидаться вопроса и представилась:

– Сиасса!

– Тебе Азата, мне Сиасса, – деловито распределил Даврон. – Идет?

– Годится! – кивнул Мир-Арзал, вождедея и облизываясь.

Газиев задрал платье на Сиассе – девушка не закричала, не заплакала. Послушно согнулась, пристраиваясь под Даврона.

– Вот что значит хорошее воспитание! – сказал Мир-Арзал, спуская штаны и заголяя Азату.

В дверях появился Тураб, державший под мышкой увесистую шкатулку, и отвалил челюсть.

– Слюни подбери! – крикнул Мир-Арзал. – Ты следующий.

Тураб живо опустил шкатулку на пол и распустил пояс...

И тут, как назло, донесся выстрел.

– Опять этот дурак палит! – озлился Даврон.

В коридоре затопал Исмаи.

– Там солдаты! Солдаты! – вопил он.

Ворвавшись в комнату, Юртаев заткнулся и выпучил глаза.

– За мной будешь, – предупредил Тураб.

– Так солдаты... – растерянно проговорил Исмаи. Мир-Арзал шлепнул Азату по пухлой ягодице и спихнул ее очередному.

– Солдаты, говоришь? – переспросил он удовлетворенно. – Видали мы этих солдат... знаешь где? Ладно, как закончите, спускайтесь...

Джуманиязов подобрал с полу свой автомат и направился к выходу во двор. Один за другим ударили три выстрела.

– А-а, чтоб тебя! – выразился Мир-Арзал и кинулся бежать.

Во двор прорвались человек пять городской стражи, двум Шавкат пустил кровь. Мир-Арзал, не покидая галереи, окружавшей дворик, вскинул «калашников» и потратил три сэкономленных патрона. Ни один даром не пропал.

– Уходим! – скомандовал он спустившимся поделщикам.

– Там еще кто-то прется! – крикнул Шавкат, тыкая стволом в проем ворот.

С улицы донеслось протяжное пение, и во двор торжественно вошли жрецы Арамазда, как парфяне звали Творца Неба и Земли, Отца всех Богов, Подателя всех благ. Жрецов было около десятка, и каждый из них нес по факелу и по пучку веток. Углядев «дэвов с молниями», они сбились в кучу, потом самый смелый поджег ветки от факела и двинулся на Мир-Арзала, изгоняя злого духа священным пламенем.

– У нас огонек покруче! – ухмыльнулся Джуманиязов и нажал на спуск.

Пуля выбила из жреца жизнь и окрасила белые одежды красными потеками. Еще два патрона потратил Даврон, по одной пуле выпустили Исмаат с Турабом. Этого хватило – половина «святых отцов» осталась умирать, другая половина разбежалась.

– В храм! – развоевался Мир-Арзал.

– В храм! В храм! – подхватил Шавкат.

Ближе всего стояло святилище Анахиты, Владычицы Нижней Бездны, Царицы Земли и Плодородия, Матери Богов, Властительницы Ночей. Храм, или багин, как его называли парфяне, тяжело вздымался кубическими башнями и черными колоннами, уходя вверх на добрую сотню локтей, и вольно расплывался боковыми пристройками из крупных зеленых кирпичей. На плоской крыше храма росли деревца, пушась густой зеленью. К главному входу над широким выступом, облицованным темно-красными плитками из глазурованного фаянса, вела крутая лестница. Сам вход состоял из трех проемов, а сверху над ним нависала крыша, поддерживаемая квадратными колоннами, и тоже была загромождена зелеными насаждениями.

– На штурм! – закричал Даврон, веселясь. – В атаку!

Высочивших стражей в золоченых доспехах они порешили на месте и оставили умирать на ступенях.

Мир-Арзал захохотал – настроение у него было прекрасное. Весь античный мир, наивный, жестокий и ветхий, лежал у ног человека с автоматом, «дэва с молниями». Все женщины этого мира готовы были отдаться ему, а все золото, все дворцы, все короны и троны – будут принадлежать ему по праву. По праву сильного!

Мир-Арзал ворвался в храм и испустил крик восторга и жадности.

Громадный квадратный зал-айазана, окруженный чашей тонких, очень высоких колонн, был полон золотого медвяного блеску. Солнечный свет заглядывал в невидимые снизу окна и отражался от листов полированного золота, пронизывая святилище богатой желтизной. Каждая из колонн, выточенная из кедра, была обшита золотыми листьями, благовонное масло трепетно горело в тяжелых золотых чашах, а в глубине зала, на троне, усыпанном камнями, восседала Анахита, отлитая из драгоценного металла.

– Сколько золота... – прошептал Шавкат словно в забытии и с чувством прочистил ноздри.

– Золото! Золото! – завопил Даврон.

Тураб с Исмаатом кинулись к колонне, поддевая золотой лист и срывая его, как обертку с конфеты. Даврон снял с треножника пламенную чашу и небрежно выплеснул масло на полированные плиты пола. Растеклась ароматная лужа, фитиль потух, пуская дурманящий чад.

На шум и крики вышел пожилой багнапат, настоятель храма. Увидев богопротивный беспредел, он сперва не поверил. Когда же уверовал, пожелал кинуться на защиту любимой богини, но возраст унял гнев и воззвал к мудрости. Багнапат смирил свой порыв. Вся его нерас-

траченная ярость передалась телу – жрец помчался за помощью, так бешено работая ногами, как никогда в молодые годы.

– Как мы все это унесем? – вопил Тураб, складывая в кучу добытое и дуря от тусклого, маслянистого блеска. Его крик, усилясь до грома, пронесся по залу – с акустикой тут все было о'кей.

– Было бы что нести! – хохотнул Мир-Арзал. – Найдем лошадей... Ах, шайтан! Надо было взять тех девок в заложники. Там и лошади были!

– Успеем! – крикнул Даврон, повисший на вытянутой руке Анахиты, прижимавшей к груди богини плод граната. – Чертова кукла! – пыхтел он. – Не ломается!

– Эх, ломик бы сюда... – завздыхал Исмат. – Монтировку хотя бы...

– Всем бросить оружие! – загромыхал вдруг незнакомый голос на чистом русском языке. – Руки за голову! Лицом к стене!

Чудовищный бас рушился сверху, заставляя тела цепенеть. Мир-Арзал бросился в сторону, подцепил автомат и дал очередь россыпью. Грохот выстрелов заставил весь храм гудеть, как колокол.

– Варвар ты, Мир-Арзал, – сказал другой голос, спокойный и насмешливый, – весь интерьер попортил.

– Кто здесь?! – проорал Даврон, хватаясь за автомат.

– Митра слепящий! – откликнулся бас, демоническим рокотом колыша стены.

Даврон пустил очередь, и тут же две стрелы, тяжелые арбалетные болты пригвоздили обе его руки к ободранной колонне, глубоко впиваясь в дерево. Газиев заверещал от боли.

– Вам же русским языком объяснили, – попенял насмешливый голос, – оружие на пол!

– Это кафиры! – крикнул Шавкат.

– Здорово, дэвы! – включился новый голос, веселый баритон. – А вас заказали!

Мир-Арзал заозирался и заметил светлое пятно, мелькнувшее за колоннадой. Он немедленно выстрелил туда. В ответ прилетела стрела, расщепила приклад и застряла в бедре.

– Я сдаюсь! – закричал Шавкат и выскочил из укрытия.

– Мордой в пол! – рявкнул голос.

Айязов поспешно исполнил приказ.

– Не стреляйте! – взвизгнул Исмат, задирая руки, и вышел из-за статуи.

– Предатель! – завопил Мир-Арзал и спустил курок. Боек сухо щелкнул – патроны кончились.

– Ай-ай-ай... – грустно сказал чей-то голос. Не прогремел, а именно сказал. Джуманиязов круто развернулся и получил прямой в челюсть.

– Третьего я уговорил! – крикнул голос.

– Серый, оставайся там! – ответили ему. – Четвертого мы прикрепили, а пятому сейчас башку свернут...

– Нет! – завопил, выскакивая, Тураб.

Мир-Арзал очухался и тоненько завыл, не от боли даже, а от бессильной злобы.

Из-за колонн вышли четверо. Румяный красавец-гигант свистнул и прокричал:

– Тиридат!

В зал тут же набежало народу – воинов, жрецов, зевак. Крепкие саки, воняющие хлебом, скрутили Мир-Арзала и всю гоп-компанию, деловито накинули им на шеи ременные петли.

Высокий блондин, побивший на туе Холмирзо, подошел к Мир-Арзалу.

– Не зашиб я тебя? – спросил он. – Могу, знаешь, и переборщить...

– Твое счастье, – прохрипел Мир-Арзал, – что патронов нет! Я б тебя...

– «Дэв с мо-олниями»! – издевательски протянул блондин. – Чмошник ты, а не дэв. Злой дух из жопы Аримана!

Веселый парень, крепко сшитый и плотно сбитый, расхохотался.

– Правильно, босс! – воскликнул он.

Подошел четвертый, сухой, черный, со щекой, посеченной шрамом.

– Вас всех отдадут в рабство, – холодно сообщил он. – Тебя, Мир-Арзал, и тебя, Даврон, – на мельницу Пакора сына Фрахата! Остальных посадят на цепь в этом храме. Будете качать воду из глубо-окого колодца и таскать ведра на высо-окую крышу! Там у них сады висячие, и столько на полив литров уходит... Не выдерживают рабы, мрут. Никаких шансов!

– Ты – Искандер, я тебя знаю, – прохрипел Мир-Арзал, – ты – док из госпиталя. А это кто?

– Сергей Роксолан, – представился длинный блондин.

– Просто Эдик! – ухмыльнулся коренастый.

– Гефестай! – пробасил гигант.

– Теперь я знаю имена моих врагов! – оскалился Мир-Арзал.

– Морду попроще сделай, – посоветовал Сергей.

Молчаливые саки дернули за петли и повели рабов к их хозяевам.

Глава 8

Фромены

Антиохия-Маргиана, имение Барзмесан

Отзеленела, отпахла весна. Апрель сменился маем, за маем пришел июнь. Россыпи алых маков и тюльпанов в степи смывались нежно-голубым разливом незабудок. К середине лета настала пора темно-лиловых покровов шалфея, а еще позже холмы и низины присыпала белая пороша клевера, заснежив простор до мутного синего горизонта.

Разгорелось лето, и на Антиохию-Маргиану опустилась сухая жара. Стало душно, как в сауне. Синее небо вылиняло, повисло ярко-белой фосфоресцирующей твердью. Солнце на нем почти не выделялось – дневное светило будто поплавилось и растеклось по небосводу.

Повел отсчет дням август месяц. Трава на пастбищах побурела и завяла, желтая река Марг почти перестала журчать, слегка подпитывая озеро Зота.

Жизнь Сергея, Эдика, Искандера и Гефестая потихоньку налаживалась. Тиридат всех пристроил, а единоверцу Гефестая доверил даже вести хозяйство в своем имении-дастакерте.

Уже к началу лета Лобанов с Эдиком болтали на латыни не хуже Искандера или Гефестая, вот только фехтование давалось им куда труднее. А время на дворе такое стояло, что без меча – никуда! Пропадешь или заделаешься рабом того, кто с холодным оружием дружен. Сыновья Тиндара и Ярная были ребятами античными, они еще ходить толком не умели, а с акинаками да с эллинскими ксифосами баловались уже. А вот ты попробуй, приучи взрослого дядю клинком махать! Замучишься наставлять! Но «античные ребята» и тут сладили. Искандер тренировал Эдика Чанбу, Гефестай натаскивал Лобанова. Вкопали на задах дастакерта пару столбов, всучили «салабонам» по деревянному мечу и давай гонять! Руби столб! Коли! Как щит держишь? Куда открылся? А ну, на исходную! Кто устал?! Ты устал? Ничего не знаю! В поединке перекуров не устраивают! Ну и что, что деревянный меч вдвое тяжелее настоящего? Тяжело в учении, легко в бою! Ущучил? Марш на позицию! Щит – раз! Меч к бою! Руби! Коли!

И терпели Сергей с Эдиком, постигали помаленьку науку побеждать, а куда денешься? Панкратион – штука полезная, кто спорит, так ведь не всякий бой выиграешь врукопашную...

* * *

– Ариясахт! – трубно взревел Гефестай. – Скоро ты вино погрузишь? Или до ночи соби-раешься колупаться?

– Скоро! Скоро, господин! – зачастил Ариясахт – маленький, кругленький, словно колобок, с блестящей плешью, похожей на тонзуру. – Совсем мало осталось!

Докатившись до хумхоны – винного погреба, Ариясахт замахал руками, как регулировщик на перекрестке, и рабы, таскавшие по двое тяжелые глиняные хумы с вином, забегали живее. Лохматые верблюды, надменно держа головы, приседали, складывали голенастые ноги, позволяя себя нагрузить. Лохматые мадубары, перевозчики вина, бережно заматывали хумы в толстый войлок и крепили животным на бока.

– Поставщик Двора Его Величества шахиншаха Хосроя Первого! – хвастливо напыжился Гефестай. – Не абы как!

– Куркуль ты, – улыбнулся Сергей, но друг на него не обиделся.

– Эй, Валарш, Шапур! – поманил Гефестай двух рабов с носилками, в которых грузно покачивался хум, и велел: – Ставьте на землю.

Рабы, радуясь передышке, осторожно опустили носилки. Гефестай важно приблизился, со знанием дела поковырял затычку на горле сосуда.

– «В хуме этом от виноградника Аппадакан, что в урочище Арайзаты, вина – восемнадцать мари, – считал он с черепка. – Внесено за год 342-й⁴². Сдал Варахрагн, родом из Барзмесана». Самое то! – заценил сын Ярная. – Тащите в дом. – Обернувшись к Лобанову, Гефестай сказал: – Угощу от щедрот. Винишко у Варахрагна отменное. Плавали – знаем!

– Да с шашлычком... – облизнулся Лобанов.

– Именно! – с жаром подтвердил Гефестай и замаслился довольной улыбкой: – Нет, товарищи, жить – хорошо!

– А хорошо жить – еще лучше! – подхватил товарищ Лобанов.

Хохоча и предвкушая обильное застолье, Сергей с Гефестаем обогнули коптильни, сыродельни, конюшни, винокурни и взошли на травянистый холм, макушку которого венчал останец круглой башни, сложенной из камней. Отсюда открывался роскошный вид на Дахские горы, как местные именovali Копетдаг. Хребет был невысок, пологие травянистые склоны кое-где пробивались скалами, курчавыми клиньями взбирались в гору чащи деревьев, им навстречу опадали косынки осыпей. Нежной зеленью отливали фисташковые рощи, путались голыми ветками саксаульники. Низинкой меж покатых холмов проскакало стадо джейранов.

– А вот и культурная программа пробежала! – обрадовался Гефестай, провожая глазами зверье. – Устроим с утра сафари. Ты как?

– Да можно... – лениво и разморенно протянул Лобанов. И тут же ему будто кто воды ледяной за шиворот плеснул – Сергей резко присел, дергая за собой Гефестая. – Глянь! Вон кто джейранов спугнул!

– Где? – заворочал головой Гефестай.

– Не туда смотришь. На западе!

– Ах ты... – выдохнул сын Ярная, пуча глаза на заход солнца.

Там, пробираясь долиной между виноградником на склоне высокого холма и зарослями арчи, тяжело печатало шаг войско. Качались большие прямоугольные щиты, сверкали на солнце шлемы и панцири, а впереди, на вороном коне, ехал полководец в алом плаще-палудаментуме.

– Фромены...⁴³ – выговорил Гефестай и прошипел: – Бежим!

Они скатились с холма и помчались к усадьбе.

– Поохотились, называется, – брюзжал Ярнаяев сын на бегу. – Попили винца! М-морды римские, спали вас Митра!

Лобанов неся и думал отрывочными, пунктирными мыслями:

«Ну вот, и досюда война добралась!»

«Скачу, как заяц...»

«И что теперь делать? Это не моя война...»

Они ворвались во двор, и Гефестай закричал:

– Эй, слуги! Ко мне! Мухой!

Рабы и прислуга из вольных сбежались на зов.

– Фромены идут! – сурово объявил управляющий.

Женщины запричитали, завывали тихонько, особи мужеска полу помрачнели и поскучнели.

– Фархат! – командовал Гефестай. – Уведешь коней в Тигровую балку. Вонон, соберешь своих, раздашь оружие!

⁴² Имеется в виду 342 год эры Аршакидов (тот же 117-й н. э.).

⁴³ Фроменами парфяне звали римлян.

– Да, господин, – поклонился лысый толстячок с черной бородой, завитой на ассирийский манер, колечками. Был он диперпатом, главным писцом, но полжизни прослужил в сакской коннице. Ветеран войны.

– Женщины собирают пожитки, – командовал Гефестай, – и уходят к Барзмесану. И быстро, быстро!

Он обернулся к Лобанову и махнул рукой: за мной!

До господского дома шум и суматоха доходили слабо. Искандер с Эдиком топтались в михмонхоне и лениво спорили о достоинствах клинков. Тиндарид нахваливал индийский меч кханду, прямой и широкий, выкованный из булатной стали «вуц», а Эдик стоял за короткий – в полметра – скифский акинак. Ну, в крайнем случае – за карту, акинак-длинномер.

– Скоро вы их скрестите с гладиусами!⁴⁴ – резко сказал Гефестай, врываясь в зал. – Вот и узнаете, какой лучше. Фромены на подходе!

– Святая мать Деметра! – вырвалось у Искандера. – Точно, что ли?

– Что я тебе, врать буду? – рассердился кушан. – Вон, мы с Серегой видели! Короче. Седлайте коней и дуйте в Антиохию! Предупредите там кого надо.

Эдик бросился к выходу, но тут же замер.

– А ты? – спросил он.

– А я разведую, сколько их приперлось, и догоню вас. Давайте, давайте, не мешкайте! Гоните прямо к дизпату!

Лобанов пропустил к конюшням и живо оседлал гнедого Акбоза, умничку иноходца. Эдик с Искандером залетели следом, таща седла в руках.

– Блин, – расстраивался Искандер, – не одно, так другое, не другое, так третье!

– Как говорил мой дед Могамчери, – проговорил Эдик, затягивая подпругу: – «Если житуха пошла ровно, прямо и гладко, жди крутого поворота!»

Иноходец под Лобановым гневно зафыркал, не терпелось ему пуститься вскачь.

– Не согласен, что ль? – ухмыльнулся Эдик и запрыгнул в седло. – Поскакали? Или подождем барина?

– Вперед! – скомандовал Лобанов.

Чистопородные кахланы пустились в галоп, веселым ржанием прощаясь со стойлами. Тугой горячий ветер ударил Лобанову в лицо, затеребил тунику, разлохматил волосы. И Сергей махом успокоился, все для себя решив. Да и что тут решать? Его друзья будут защищать Антиохию-Маргиану, это ж их родной город. И где ж ему быть? Рядом! Один за всех, как радостно восклицал юный пионер Сережа Лобанов, и все за одного!

– Императору Траяну Парфия и даром не нужна! – проорал на скаку Искандер. – Ему Индию подавай! А парфяне мешают, всю дорогу перегородили. Никаких шансов! Римляне Армению загребли, Месопотамию оккупировали, Ассирию хапнули, теперь до Маргианы очередь дошла!

– Фиг угадали! – крикнул Эдик.

На полдороге тройцу догнал Гефестай.

– Два легиона пеших! – доложил кушан громким голосом. – Плюс конница! Сплошь ауксиларии – галлы скачут, арабы, мавры. Двенадцать тыщ наверняка будет!

– А у дизпата, – прикинул Искандер, – хорошо, если тысячи три наберется!

– Ничего, у города крепкие стены!

– Эти стены, знаешь, какой длины?

– Ну, стадий⁴⁵ тридцать...

– Да?! А семьдесят – не хочешь?!

⁴⁴ Гладиус, или гладий – римский меч.

⁴⁵ Мера длины. Римский стадий – 185 метров, греческий – 178 м.

– И что ты предлагаешь?! – осерчал Гефестай.

Тиндарид только плечами пожал и пришпорил коня. Лобанов с Чанбой тоже поднажали, и все четверо поскакали в одном строю, ноздря в ноздрию.

* * *

Из-за округлостей холмов, из-за рощиц арчи и саксауловых лесков поднималась Антиохия-Маргиана. Город-крепость стоял на перекрестке дорог, охраняя караванные пути из Марга к Оксу, то бишь Амударье, в Согдиану, к Партасенам, как здесь прозывали Памир, в Фергану и Китай. Стены Антиохии описывали неровный многоугольник, поднимаясь на высоту четырехэтажного дома, а толщина у них была такая, что Искандер, Гефестай, Эдик и Сергей могли бы проехать поверху в ряд.

Кони одолели последнюю высотку, и Лобанову открылся вид на городские укрепления – мощные стены и череду башен, круглых и квадратных. Со стороны заходящего солнца к воротам Антиохии вел набитый тракт, на север от того тракта пласталась травянистая равнина, испятнанная проплешинами красного песка, меченная редкими рощицами саксаула, а с юга к дороге примыкали дома рабада – слободки, где селились кузнецы и прочий люд, кто плавил и ковал знаменитое маргианское железо. Лязг и звон, запах гари, сипение мехов и столбы дыма были привычным фоном рабада. Промзона!

Четверо друзей подъехали к громадным городским воротам, зажатым меж двух башен. Ров, по кругу опоясавший стены города, разрывался против ворот узкой перемычкой. Слабое звено? Лобанов прищурился. Да нет... К воротам надо было подниматься по наклонному пандусу. Арба его одолеет, и конь взойдет, а вот таран не подтащишь! Да даже если и подтащишь, что толку? Таран – это тяжеленное бревно, подвешенное на цепях, его раскачивают и колотят по воротам, пока не вышибут. А как станешь бить под уклоном вверх? То-то и оно... Лобанов хмыкнул и покачал головой – так просто! И так умно.

Со страшным скрипом открылись чудовищные створки из толстых осадных бревен в крупных железных бляхах.

Сверху между зубцов протиснулся знакомый Лобанову стрелок-сак по имени Ширак и громко осведомился, чего это они так рано воротились. Сергей сложил ладони рупором и прокричал:

– Фромены идут!

Ширак аж глаза выпучил. Открыл рот, чтобы расспросить, но не было времени на разговоры. Едва створка, подвешенная на многопудовых литых петлях, открыла достаточный проход, Гефестай послал своего коня вперед. Лобанов рванул за ним.

Галопом промчаться по главной улице не удалось – базарный день.

– Дорогу, дорогу! – орал сын доблестного Ярная, охаживая камчой зевак и нерасторопных прохожих. Те огрызались, и Лобанов добавлял пинков. Война! Тут не до хороших манер.

Там, где главная улица проходила под стенами диза, Гефестай свернул и по крутому взвозу поднялся к крепости-арку. Знакомый путь...

На пяточке перед входом в обитель дизпата крутились гвардейцы, настолько бронированные кольчугами и латами, что, чудилось, даже ступать им было тяжело.

– Где дизпат? – заорал Гефестай. – Фромены идут!

Гвардейцы, замерев на секунду, забежали по двору, лязгая и скрипя доспехами, а под аркой входа показался дородный мужчина, краснолицый, с окладистой черной бородой. Симак из знатного рода Каренов, дизпат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.